

ANNA XIWANG

Сохрани лицо



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Anna Xiwang
Сохрани лицо
Серия «Маски», книга 1

<https://litres.ru/73880548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы выжить в этом мире, она научилась быть кем угодно, кроме самой себя.

Она носит три имени, говорит на трёх языках и давно усвоила правила: не выделяться, не сопротивляться, сохранять лицо. Дочь знаменитого дипломата, она привыкла жить той жизнью, которую для неё выбрал отец. Последний семестр в престижной Пекинской академии должен пройти тихо: сделать всё правильно и двигаться дальше.

Но в первую же ночь её замечают братья. Они заключают пари: кто первым услышит от неё признание в любви. Для них — это привычное развлечение, о котором она даже не догадывается. Один из них видит в ней больше, чем жертву.

Но для неё это не игра. Это выбор: снова подстроиться или впервые не соответствовать ожиданиям. Потому что цена здесь не проигрыш, а возвращение в жизнь, где за неё уже всё решили.

Но что, если единственный способ выиграть — перестать играть?

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	55
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	82
Глава 12	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Anna Xiwang

Сохрани лицо

Глава

Концепция «сохранения лица» (##, miànzi) — одна из ключевых в китайской и восточноазиатской психологии. «Лицо» — это репутация, достоинство и статус человека в глазах окружающих. Это не только внутреннее самоощущение, но и то, как тебя воспринимают в группе: в семье, на работе, в обществе.

«Лицо» — социальная валюта. Его можно терять и сохранять. В коллективистском обществе, каковым является Китай, групповая гармония важнее личных амбиций. «Лицо» — это клей, который скрепляет отношения.

Но что, если лицо, которое ты пытаешься сохранить, уже давно не твое?

Глава 1

Виктор смотрел, как брат медленной струйкой выпускает сигаретный дым. Блаженное лицо, чуть запрокинутая голова... Он принимал эту позу каждый чёртов раз. Художник на сцене, зрители обязательны.

Балкон, на котором они стояли уже давно, погрузился во тьму. Приглушённый свет уличных фонарей падал только на главную площадь, ведущую к административному зданию. Весенний ветер, по-прежнему холодный от зимы, поднимал клубы пыли и кружил их по территории частной школы. Виктор накинул капюшон и устремил взгляд на высокий забор.

Клетка. Огромная клетка, в которой они заключены до конца учебного года.словно гигантский аквариум с дорогим освещением и идеально ухоженными растениями, которые были декоративными, но явно лишними рыбками.

— Угощайся, братец, это последняя, — сказал Алекс, протягивая сигарету. Его взгляд был устремлён в небо, заволощённое плотными тучами.

— Ты забыл, я пытаюсь бросить, — хмурясь, ответил Виктор.

— Что ж, твоё право. — Алекс метнул взгляд к огромным воротам. Они бесшумно открылись, и к центральной площади стремительно въехал автомобиль. На башнях по углам

стены едва слышно щёлкнули камеры наблюдения и повернулись вслед к машине.

«Добро пожаловать в зону повышенного комфорта и тотального контроля, купленного как и всё в нашей жизни», — ехидно подумал Виктор.

Лампочки, освещавшие подъездную дорогу, перешли в ночной режим и стали ярче. Из машины вышел водитель и открыл пассажирскую дверь. Тут же появились два силуэта: явно женский и мужской рядом.

Брат хищно улыбнулся, это выражение лица Виктор тоже знал.

«Гадёньш, опять ты что-то задумал...»

— Директор школы? Очередная новая преподавательница? Иллюминаты? — с интересом спросил Алекс.

— Не думаю, скорее кто-то из родителей. Обрати внимание на номера, — указал Виктор. — Чёрные. Дипломатические.

Тот кивнул и спустя мгновение спросил:

— Интересно, кто приезжает в середине учебного года посреди ночи?

Ответ появился словно из ниоткуда. Девушка. Похоже, их ровесница. Новенькая медленно оглядела территорию. Капюшон скрывал лицо, плечи напряжены. Она явно не хотела быть здесь. Незнакомка тихо говорила о чём-то с мужчиной и женщиной, не поднимая головы.

— Мммм, — протянул Алекс с хищной улыбкой. — Такой

у меня ещё не было...

Виктор непроизвольно протянул руку и взял у него сигарету.

«Одна затяжка, всего одна, обещаю».

— У меня тоже есть слабости, — сказал он вслух, словно оправдываясь в ответ на удивлённый взгляд брата.

Но тот лишь усмехнулся и снова пристально взгляделся в незнакомку. Девушка сомкнула руки в замок перед собой и поклонилась на азиатский манер. Идеально, будто отрепетировано.

«Значит, у Алекса преимущество. Он ведь любит ломать правильных». Что-то внутри обмякло от досады.

— Понятно, очередная примерная ботаничка очень богатых родителей, — презрительно протянул Виктор. — Будет слишком просто, да? — добавил он чуть бодрее.

Алекс закусил губу, сдерживая улыбку.

— Быстро ты сдался. — Он забрал остаток сигареты у брата и сделал затяжку. — Повысим ставки, братец? — Улыбка всё же появилась на лице Алекса, обнажив хищный оскал. — Сыграем второй раунд?

Виктор молча протянул руку. Алекс сделал последнюю затяжку и кинул бычок в темноту.

— Ты помнишь, да? — усмехнулся Алекс, сжимая руку брата чуть сильнее. — Победителю — пачка лучших сигарет в этой стране.

— Проигравшему — ноль иллюзий и гладкая голова, —

закончил Виктор за него. Он отпустил руку первым, не собираясь реагировать на эту глупую провокацию.

— Ты же помнишь, у нас сейчас ничья, — непривычно серьёзно заявил Алекс, проводя рукой по коротким волосам. — Прощую принцессу ты сломал слишком быстро. — Его нос наморщился, словно что-то почуял.

Виктор тяжело вздохнул. Ну конечно. Суть игры была не в скорости, а в изобретательности боли. В том, *как именно* ты ломаешь. Безжалостно, но элегантно. Оба знали в этом толк.

— На всякий случай уточню, — снова прервал молчание Алекс. — Переспать — не значит победить. Она должна сказать *«Я люблю тебя»*. Ты же помнишь?

«Он до сих пор не может принять того факта, что я красивее».

Виктор ухмыльнулся. Прошлая беда была сдалась ему почти сразу. Алекс тогда жутко обиделся и ещё долго игнорировал брата.

— Одно не исключает другого, малыш. — Он обожал так называть Алекса, видя, как тот бесится. Виктор был старше всего на пару минут, но это давало ему право называть брата младшим. — Она стонала признание мне на ухо... поэтому ты его не слышал. — Виктор прислонился спиной к двери, ведущей в их комнату, и с довольным лицом разглядывал силуэты позади брата.

Алекс что-то пробормотал в ответ, ткнул Виктора в бок локтем и снова повернулся к открытому окну.

Мужчина и женщина сели обратно в машину, оставив девушку у дороги под фонарём. Братья молча наблюдали за ней, как хищники перед прыжком.

— Какая-то она фигуристая для азиатки... Может, тип в костюме — какой-нибудь телохранитель? — задумчиво произнёс Виктор. Девушка стояла к ним спиной в чёрных леггинсах и коротком худи, всё ещё с капюшоном на голове. Одежда выигрышно подчёркивала все изгибы.

— Не думаю, — нагло заявил Алекс. — Она разговаривала только с ним и этот её поклон... явное обращение именно к нему. Он отец.

Вдруг она скинула капюшон. Копна густых каштановых волос рассыпалась по спине.

И почему-то в этот момент Виктору стало не по себе. Он поёжился и продолжил наблюдение, пользуясь своим высоким ростом.

Девушка обернулась, проверяя, уехала ли машина, но ворота были уже закрыты. Их жертва стояла в абсолютном одиночестве.

— Хороша чертовка... — протянул брат. — Интересно, знает ли она об этом?

Незнакомка порылась в портфеле, быстро чиркнула зажигалкой и закурила. Под светом фонаря и пламени от зажигалки они смогли разглядеть её в профиль. Тонкий европейский нос, матовая белая кожа. Но самым удивительным были скулы: острые, почти графичные. Алекс бы сказал, что они при-

давали её красоте холодную и совершенную утонченность.

«Глаза. Какого же цвета твои глаза?» — думал Виктор.

Алекс верил, что цвет глаз решает исход. Из семи голубоглазых старший брат выиграл шестерых. Младший же доминировал среди кареглазых. Виктор считал это чушью, но статистика упрямо показывала обратное.

Стоя на балконе, парни молча наблюдали за девушкой. Возможно, если бы она увидела их вместе, то никогда не признала родства. Они были противоположностями: не близнецы, а всего лишь двойняшки. Словно Вселенная сыграла с ними злую шутку или решила разыграть стандартный набор шаблонов.

Невысокий и худощавый Алекс с годами научился смотреть своими карими глазами прямо в душу. После своего триумфального поражения он покрасил волосы в пепельно-белый, коротко подстригся, возомнил себя маленькой звёздочкой — и всё время искал повод для нового спора.

Виктор не изменял себе и своим натуральным каштановым кудрям. Очки из-за плохого зрения давно не смущали, а одноклассники всё равно побаивались его габаритов.

Девушка поднесла сигарету к губам. Первая затяжка зазгла красный огонёк, который отчётливо было видно даже издалека. Хрупкие плечи расправились, голова чуть откинулась назад, в очертаниях лица появилась блаженная улыбка. Она стояла в этой расслабленной позе словно пародия на его младшего брата. Самая красивая пародия, которую Виктор

видел в своей жизни.

— Твою-то мать... — прошептал он.

— Это будет интересно, — слышался шёпот брата.

Алекс сказал это вслух. А Виктор понял — он уже проиграл.

Глава 2

Есения опустила голову в поклоне, слегка поддавшись телом вперёд, и нахмурила брови.

«Идиотская традиция...»

Взгляд скользнул по идеально чистому асфальту.

«Надо же, с мылом его тут моют, что ли?»

Она вдруг поймала себя на странном ощущении, будто за ней наблюдают. Не прямо, не в упор, а где-то сверху, с расстояния. Едва заметно повела плечами, отгоняя это чувство.

— Дочка, мы образцовая семья, держи лицо, — проговорил отец. — Поклон должен быть ниже, иначе все подумают, что ты неискренняя, ты же помнишь? — Голос не дрогнул.

«Вокруг ни души, кто тут что может подумать?»

Есения быстро кивнула и на выдохе склонилась чуть ниже, стараясь отогнать мысль о том, как эта интонация отца каждый раз возвращала её в детство. Ей было десять. Она вернулась из московской школы с пятеркой по рисованию и в радостном порыве размазала акварель по новому платью. Вместо похвалы она услышала: «Теперь новое платье испорчено. На рисовании карьеры не построить. Держи лицо, Ванны».

С тех пор альбомы прятались под матрасом, а фраза «держи лицо» стало синонимом приказа «замри и не чувствуй», иначе кто-то подумает не то, что нужно. Наконец Есения

подняла взгляд на родителей. Типичный образ семьи из рекламы дружбы народов. Высокий, статный азиат с первой сединой на висках. Рядом с ним молодая женщина славянской внешности, мама для каталога. Минимальный макияж, серёжки-бусины, на руках тонкие перчатки. Она держала его под руку и молча смотрела прямо на дочь. Как и каждый раз, когда они отдавали её в новое учебное заведение.

«Выражать эмоции на людях не принято», — твердил строгий голос отца в голове. Поэтому, выпрямившись, Есения тихо проговорила:

— Спасибо. Я пойду в корпус. Меня ждут менторы, не хотелось бы опаздывать.

«В первый день в середине учебного года. Когда никто не ждёт новеньких. Отличное начало, Яся».

Мама лишь слегка улыбнулась, а папа сказал:

— Не подведи нас, дочка.

Они сели в машину и исчезли за воротами. Есения постояла еще секунду, сжимая лямку сумки. Громко выдохнула. Наконец.

Каждый раз одно и тоже.

Машина уезжала, ворота закрывались, и она снова стояла одна на чужой территории. В десять лет она еще плакала, не сдерживаясь. В тринадцать научилась стискивать зубы, когда подступал ком в горле. Сейчас же просто ждала, когда внутри что-то щёлкнет и привычно выключится.

Практически каждый год она проводила в новой стране

или городе. Было трудно: новая среда, новый язык, новые правила и окружение. После России и Франции они успели пожить по паре лет в Японии и Америке. Стало ли проще после пятой или шестой закрытой академии? Ни капли.

Зато с самого детства она носила почётное звание «три-лингв»: китайский, русский и английский стали родными одновременно. С папой — исключительно китайский. С мамой тайком на русском, пока папа не слышит. Английский — на все остальные случаи. У неё даже имени три: Есения для русскоговорящих, ### (Yáng Wǎnyí) для китайцев и Sunny — для остального мира. Клиническим это расстройство не считалось, но ощущения действительно были разные. Яся — дерзкая и колкая на язык. Ваньи делала её чуть более серьёзной и сосредоточенной. А вот Санни превращала её в девушку-солнышко, которая согревала всех вокруг. Каждый темперамент объединяло только одно — фамилия Янг. Слишком узнаваемая для международной общественности, слишком влиятельная в узких дипломатических кругах и совсем не подходящая для её маленькой мечты.

Папа всегда говорил, что для семьи важны традиции и репутация. Важно уважение к старшему поколению, память о своих предках и прочая ерунда. Поэтому его бездушные фразы уже практически не воспринимались: «Самое важное — сохранить лицо», «Помни, не теряй лица», «Держи лицо» и бла-бла-бла. Если перевести смысл на человеческий, получалось: «Не позорься и не позорь меня».

Она медленно провела взглядом по территории своего нового учебного заведения. Масштабы поражали. Огромная площадь у которой она оказалась, вела в три направления. Впереди стоял корпус из тёмного стекла и бетона. Стерильно, бездушно.

Мозг, заточенный на выживание в интернатах, автоматически начал сканировать пространство: главный вход на южной стороне — значит, утреннее солнце будет бить в окна спален. Камеры на углах — значит, под ними слепые зоны. У восточной стены стоят огромные вековые сосны и почти касаются крыш общежития — там можно будет скрыться от посторонних глаз. Есения усмехнулась своему анализу. Старая, отточенная привычка искать лазейки в каждой новой золотой тюрьме снова взяла верх.

«Стиль — что надо, дорого и богато. Не зря папочка отвалил почти двадцать тысяч долларов всего за один семестр».

Каждая частная школа в любой стране была похожа на другую. Закрытая территория по типу интерната, возможность увидеть маму только по выходным из-за огромного количества уроков и внеклассных занятий и куча избалованных детей высокопоставленных родителей вокруг. Менялись только название и логотип на форме. И совсем неважно где — в Париже, Токио или Пекине.

Никому не нужные дети богатых родителей идентичны. Они опьянены вседозволенностью, власть их отцов словно

дурманит совсем юный мозг. Обычно они относятся к другим как к второсортному дерьму, а улыбаться начинают, только узнав должность отца. Её всегда бесил этот псевдоэлитарный мир глупых детей. Поэтому Есения пыталась держаться в сторонке, не отвечивая. В отличие от ровесников, которые, скорее всего, мечтают ворваться в международную деятельность по стопам родителей, она всегда мечтала рисовать. Без дипломатии, переговоров, лживой лести со званых ужинов. Масляная краска на холсте и только те образы, которые не дают покоя по ночам.

Она сняла капюшон своего чёрного худи и позволила себе распустить волосы. Февральский ветер обжёт щёки. Последние дни зимы не сдавались, поднимая пыль холодным ветром, и не давая ни одного намёка на весну. Но Есения не обращала внимания. Холод — это последнее, что её волновало сейчас.

Она здесь. В Китае. В том самом Пекине. В очередной закрытой суперэлитной мегасекретной школе для очень-очень крутых шишек при правительстве. В своём выпускном классе.

Медленно выдохнув скопившийся в лёгких воздух, она пошарила в потайных карманах сумки и нашла пачку любимых сигарет.

«Быстрый перерыв перед адским началом?»

Первая затяжка. Горячий дым выжиг изнутри сладковатый привкус прощальных отцовских слов. Теперь здесь, в

ночной тишине, она была не Ваньи, не Есением, и уж точно не Санни. Она была просто девушкой с сигаретой, чьё будущее казалось таким же туманным и неуловимым, как кольца дыма, поднимающиеся к тёмному небу над старинным городом.

Блаженство. Только быстро тающий дым и она. Красиво, ничего не скажешь. Жаль, что нечем зарисовать. Где-то около административного корпуса мигнула камера, поворачиваясь в её сторону. Есения быстро затушила сигарету подошвой кроссовки и подняла портфель.

Последний семестр. Осталось только закончить школу, и она наконец сможет сама решать, как жить. Творить, когда приходит вдохновение. И дышать — без чьего-то разрешения.

Глава 3

Что может быть хуже, чем первый день в новой школе? Глобальное потепление, капитализм, социальное неравенство. Да, да. Конечно.

Но для Есении глобальное не имело значение. Это был очередной худший день в её жизни. Каждый год новая школа. Каждый раз адский первый день, когда ты не знаешь, куда идти, кто вокруг тебя, кому можно доверять, а кого лучше обходить стороной.

Прошлая ночь была странной. Коридоры общежития, ключ от комнаты 748, пустая вторая кровать. Есениа успела только заметить заумные книги по всемирной истории на столе, постеры какой-то азиатской мальчиковой группы на стене и дорожные духи Marc Jacobs на тумбочке.

Ещё одна правильная девочка.

А утром она снова проснулась одна, соседки не было.

«Ладно. Познакомимся позже. Сейчас важнее хоть как-то расположиться и собраться на уроки».

Она сидела на кровати и держала в руках маленькое зеркальце, собираясь наносить макияж, но лишь тяжело вздохнула.

А ведь прошлая академия ей действительно нравилась. Никто не мешал, был дополнительный факультатив по изобразительному искусству, о котором не знал даже отец. Более

того, она успела найти себе славного парня по имени Джек. У Джека, помимо классного пресса, был один недооценённый другими девушками талант — он умел молчать рядом. Пока Есения часами рисовала, он читал свои странные книжки. Пока она думала о своём, он не лез, не напрягал и не создавал проблем. Как ласковый кот или уютный плед. Почти как не иметь отношений вовсе, только теплее. Он не задавал лишних вопросов, да и вообще они мало разговаривали. И она была совершенно не против.

До того самого момента, пока отца экстренно не вызвали в Китай. Очередной политический кризис, который совершенно не волновал Есению. Три дня на сборы. И вот она здесь.

Существует проблема о которой простой обыватель не знает: в элитных частных школах для детей особенно богатых родителей стандартные законы джунглей не работают. Когда золотые дети — основная масса, элитарность становится нормой.

Здесь нет традиционных правил: на первых партах — ботаники и аутсайдеры, в центре — красотки, на задних партах — альфы и плохиши. Плохишей и аутсайдеров в принципе не существует. В таких школах не бывает грантов для «одаренных», нет «случайных» людей. В эти места строгий отбор даже для обслуживающего персонала.

Но зато существуют конкуренция и образы. Жестокая конкуренция лучших из лучших. Не мозгами, не талантом

— только правом рождения. Каждый в классе знает, что ему достался золотой билет в жизнь просто так. Ни за что. Никто не выгрыз его, никто не заслужил. И каждый в восторге от этого факта.

Несмотря на легкую тревогу и поток мучительных мыслей, утро выдалось довольно продуктивным. За пару часов она успела разобрать почти все чемоданы, разложить вещи в гардеробе и найти место для каждой коробки с обувью. Дальше всего провозилась с сумочками — в них хранилось главное: краски и кисти. Осталась последняя коробка.

Есения отложила зеркальце на кровать, и опустившись на пол рядом, сняла крышку, с восхищением посмотрев на содержимое. Её любимый аксессуар, который она перевозила с собой в каждое новое место: небольшая коллекция масок из пекинской оперы. Пока всего восемь, но она надеялась собрать со временем гораздо больше.

По факту, в пекинской опере никто не использовал маски — это был театральный грим. Но в нём было столько смысла, что Есения каждый раз смотрела на свою маленькую коллекцию как на настоящее сокровище.

Взяв двусторонний скотч, она аккуратно повесила первую маску практически у самого изголовья кровати. Ярко-красная — её любимая, цвета отваги и верности. Следом на стене оказались синяя и чёрная. Вопреки негативной западной ассоциации — в Китае эти цвета символизировали твёрдость и честность. Жёлтую маску, которая больше всего притяги-

вала внимание, она поместила в самый центр стены — как императорский символ, а рядом с ней белую — как символ коварства. Слева направо расположились зелёные, фиолетовые и серые: цвета мудрости и благородства.

Есения сделала пару шагов назад и посмотрела на стену. Её традиционный ритуал посвящения на новом месте был выполнен. В каждой новой комнате она намеренно располагала маски иначе. Не потому, что забывала предыдущий порядок, а чтобы собрать новую версию себя.

Но ведь она не всегда была такой.

В начальных классах Есения всё ещё оставалась искренней с каждым. Была общительной, быстро находила друзей. Но было одно «но»: по окончании школьного курса ей приходилось покидать полюбившееся место, незнакомцев, которые иногда становились ближе семьи. И это было больно.

Каждый раз чуть сильнее.

Тяжелее всего далось прощание с девочкой по имени Клэр в частной Парижской школе. Есения по-прежнему помнила её заразительный смех и ярко-рыжие волосы. В день отъезда Клэр подарила ей самодельный брелок в форме Эйфелевой башни, которые они делали на дополнительном уроке по лепке из глины. Башня скорее была похожа на странную вилку или трезубец. Они так громко хохотали от результата, что учителю даже пришлось увести их к директору. Есения много лет хранила это странное сооружение, но вместе с очередным переездом башня потерялась. Точно также, как и поте-

рялась Клэр среди многочисленных контактов в её телефоне.

Поэтому к средней школе она отстранилась — стала той, кто никого к себе не подпускает. Сама себе на уме. Так было проще для всех: ничьи сердца не разбивались, ничьи слёзы не проливались. Долгие прощания сменились тихим и быстрым цоканьем каблуков по кафелю школьного коридора.

«Были знакомы? Спасибо. Надеюсь, большие не увидимся».

Симпатичные парни сменялись ещё более симпатичными. Она могла позволить себе маску недоступности с одним или сменить её на эмпатию к другому. Но никто и никогда не видел её настоящую.

Есения довольно быстро осознала, что маски — это часть её образа, как в пекинской опере, где все персонажи в гриме. Настоящее лицо актёра скрыто — зрителю показывают только роль. И только цвета могли дать подсказку о намерениях персонажа.

«Какого цвета маску ты выберешь сегодня, Есения?»

Первую половину сборов она потратила на фиолетовые стрелки. Рисование было её тайным хобби, но рисовать на лице никто не запрещал. Тонкая фиолетовая линия в этот день стала для неё символом хладнокровия. Второй короткий хвостик стрелки сделала чёрным, для уверенности.

Оставшаяся половина времени ушла на выбор туфель. Частные заведения в любой стране навязывают уродливую школьную форму, а Есения всегда первым делом читала регламент. Если составитель забыл указать обувь — это давало

ей зелёный свет на любую безумную пару из её бесконечной коллекции.

Обувь была третья страстью Есении после рисования и макияжа — и единственным, что объединяло их с матерью. Шопинг и примерка обуви стали связующим ритуалом. Любой повод и эмоция становились началом долгого хождения по бутикам, где цены за одну пару равнялись нескольким зарплатам чиновника среднего звена.

Форма Пекинской академии была черной, к счастью идеальной под любой вариант. Есениа достала из чемодана коробку с любимыми туфлями: высокие лаковые чёрные лодочки на шпильке. Но это была не просто шпилька, а целое произведение искусства. Ручная роспись цветков оттенка лаванды на чёрном фоне. Она сама их преобразила пару лет назад. Единственный экземпляр и единственная возможность показать миру свои навыки. Идеально под макияж.

Она посмотрела в зеркало перед выходом. Фиолетовые стрелки, чёрная форма, яркие туфли. Незнакомка. Абсолютно готовая к новому дню.

«Пусть этот семестр пройдёт спокойно...», — промелькнуло в её голове, когда она закрывала дверь комнаты, направляясь в учебный корпус.

Глава 4

Шагая по территории школы, Есения невольно замедлила шаг. Вчерашний мрачный фасад в полумраке сегодня предстал совершенно иначе. Множество малоэтажных корпусов цвета слоновой кости. Перед ней раскинулся настоящий город-сад. Стекланные и бетонные плоскости, прорезанные тёмным деревом и медью, отражали небо и кроны огромных сосен.

Архитектор явно говорил на языке тишины, денег и абсолютного контроля. Здесь сложно было скрыться в тень — она не была предусмотрена. Красота была тотальной и немного подавляющей. Мягкие покрытия дорожек гасили звук шагов, голоса тонули в пространстве. Это место не кричало об элитарности, как она подумала вчера, — оно мягко нашептывало о превосходстве.

Есения представляла себе школу в Китае чуть иначе: шумная многоэтажка, запах вонючего тофу, мопеды у ворот и синяя форма сомнительного качества. Она ведь читала и смотрела документалки об этой стране. Знала, куда едет, но перед ней были только чистые геометрические формы, тонушие в вечнозелёных растениях.

Это была её новая золотая клетка, где каждый прутик превратили в произведение искусства.

Есения сверила расписание в телефоне. Эпоха прогрес-

са — её любимая. Можно было вообще исключить общение с живыми людьми. Поправив идеально гладкие волосы и чёрный пиджак, она уверенно открыла дверь в класс. Осторожный шаг вперед. Подол клетчатой юбки чуть задрался. В классе была полная посадка, у доски стоял незнакомый преподаватель.

— Добрый день, господин Хэ, — проговорила Есения по-китайски и сделала свой коронный поклон.

Преподаватель не произнёс ни слова. Вероятно, опешил.

— Он не говорит по-китайски, — шепнула на китайском девочка за первой партой. Карие глаза сверлили Есению. Не китаянка — внешность слишком европейская: русые длинные волосы, белая кожа, очень тонкие черты лица за крупной оправой очков в стиле 50-х. Намеренно винтажный образ, который говорил: я не пытаюсь быть красивой, я пытаюсь быть интересной.

«Первая секунда в новом классе, а уже умудрилась привлечь внимание абсолютно всех. Отлично сработано».

Сделав глубокий вдох, Есения заговорила на английском.

— Прошу прощения, мистер Хэ Цзень. Меня зовут Янг Вань. Я новая ученица. — Есения холодно оглядела одноклассников. Класс будущих международных лидеров, гуманитариев до мозга костей. Тех, кто пойдёт по стопам консулов и послов. Тех, кто будет нести мир в массы. Так говорил её отец.

«Стадо элитных телят...» — подумала Есения и слегка

улыбнулась этой мысли.

Напротив преподавателя тянулись четыре длинные парты — как мини-версия лекционного зала. На первой у окна сидела группа из трёх одинаковых девочек с явно переделанными носами и накачанными губами. Улучшайзинг, который превратил их в клонов.

За второй партой — пять парней с нахальными лицами. Скорее всего, закадычные друзья. Ближе всего к ней был парень с короткими платиновыми волосами, уложенными в нарочито небрежную канадку. Явно покрасился недавно — идеально выбеленные пряди без просвета у корней. Он откровенно оценивал её карими глазами. Одноклассник облокотился спиной на парту позади и, запрокинув руки за голову, медленно провёл языком по верхней губе.

Охотник нашёл свою цель. За блондином виднелись другие лица, но из-за этого наглого взгляда разглядеть их было сложно.

«Худенький, — промелькнуло в голове у Есении, — и слишком много геля для волос. Оставлю тебя как запасной вариант».

— Очень рад, мисс Янг! — наконец произнес преподаватель. — Прошу, проходите. — Он указал на единственное свободное место рядом с её спасительницей и продолжил выводить тему урока на электронной доске.

— Спасибо. — Тихо шепнула Есения на китайском, усаживаясь за первую парту. Девушка лишь подмигнула в ответ.

— Как я и говорил ранее, — закончив выводить список примеров на доске, сказал преподаватель, — мы начнём наш урок с небольшого тестирования по прошлой теме. — Он бросил долгий взгляд на класс. — У вас пятнадцать минут на решение, никаких телефонов и калькуляторов.

Есения почувствовала, как похолодели её ладони. Уравнения казались знакомыми, что-то такое они точно проходили в прошлой школе. Но жалкая душа гуманитария терялась среди безжалостных логарифмов. Прошло десять минут тестирования, а перед ней по-прежнему лежал белый лист.

Преподаватель медленно расхаживал вдоль парт и вдруг остановился рядом с Есенией.

— Мисс Янг, я уже получил ваш табель из предыдущей школы. Боюсь, что вам нужно будет пересдать экзамен по моему предмету, чтобы набрать необходимое количество баллов. В противном случае у нас с вами могут возникнуть проблемы.

Есения кивнула. Она завалила алгебру в прошлый раз и понимала, что эта кара рано или поздно настигнет её. Просто не была готова к этой лавине проблем буквально через пятнадцать минут после начала первого урока.

— Я подберу вам репетитора среди учеников технического класса. Постараемся закрыть этот вопрос до конца текущего семестра, хорошо? — Хэ Цзень посмотрел на неё чуть менее сурово и даже попытался улыбнуться.

Есения выдохнула. Он казался адекватнее, чем ожидала.

Предыдущий преподаватель всё время безжалостно впихивал в её тонкую душевную организацию технические расчёты. Проще было заставить мартышку танцевать в балетной пачке, чем заставить Есению понять хоть один принцип решения уравнений.

— Математика, мисс Янг, — продолжил он, забирая у Есенин пустой лист, — язык, на котором говорят все. Давайте попробуем его выучить?

Кто-то позади неё фыркнул. Не кто-то, а явно нахальный блондин. Есения не обернулась, но кожей почувствовала этот пристальный взгляд. Нашёл, к кому приклеить статус «неудачница»? Она выпрямила спину.

Ничего. И не таких ломали.

Да и это всего лишь математика. Всего лишь очередная маска — прилежная, очень старательная, но такая глупенькая ученица. Может, поведётся и всё-таки поставит минимум для зачёта.

Когда звонок, больше похожий на тихую мелодию, оповестил об окончании урока, Есения медленно подняла глаза от тетради. Голова раскалывалась от попыток понять хоть что-то. Преподаватель уже успел уйти. Девочка с очками обернулась на неё.

— Не хочешь выпустить всех нас? — спокойно спросила она по-китайски. Есения кивнула, быстро уложила ноутбук и тетрадь в сумку и повернулась к двери.

— Значит, мисс Янг? — голос с ленивой, нарочитой ин-

тонацией заставил её остановиться. — У посольской принцессы проблемы с математикой?

Нахальный блондин подошёл вплотную, загораживая проход всем остальным. Голос приблизился к её уху.

— Я тоже рада знакомству, чемпион, — ответила она достаточно громко, чтобы все услышали. И шагнула к нему ещё ближе, устремив взгляд на пару дорогих белых кроссовок.

По классу прошелестел тихий смех. Действительно, их диалог напоминал сцену из дешёвого американского фильма. Подколка с «чемпионом» была кстати.

«Что ты делаешь, Яся?»

Она хотела не отвечивать, держаться в стороне, как всегда. Но что-то в его наглом тоне и снисходительной усмешке задело её. Не Ваньки. И не Санни. А Ясю — дерзкую, колкую девчонку, которую она так долго прятала.

«Ладно. Один раз. Покажу ему, кто здесь охотник».

— Ты такой дерзкий... — она медленно провела рукой по его бицепсу. Парень на секунду замер. Кажется, растерялся от такого напора. — Ну-ну, милый, не бойся меня, — Есения усмехнулась и, проведя кончиками пальцев по его подбородку, подняла взгляд. На каблуках она была с ним одного роста и теперь они смотрели друг другу прямо в глаза.

Есения знала этот тип. Золотой мальчик, который думает, что весь мир ему должен. Папочка купил место в академии, мамочка оплачивает внимание девочек. Такие ломаются от одного прикосновения или взгляда. Она видела сотни таких.

И знала, что с ними делать — дать попробовать то, что они никогда не получают.

Он тихо выдохнул. Блондин был очарован. Всё как обычно. Она знала, что её гетерохромия завораживает при близком рассмотрении. Правый глаз — коричневый, цвета чёрного чая с лимоном. А левый с ярко-голубым пятном — словно разбавленный ясным небом.

Парень слегка наклонил голову вбок. Он рассматривал её лицо как редкий экспонат. В глазах забегали дьявольские огоньки.

— Дыши, — тихо проговорила она и подмигнула ему. Парень выдохнул, а она рассмеялась.

— Это будет забавно... — так же тихо ответил блондин. — Меня зовут Алекс, принцесса. — Хищная улыбка обнажила ровный ряд белых зубов.

Он резко шагнул в сторону и прошёл мимо неё к выходу. Остальные потянулись следом, и каждый успел заметить и оценить дерзкую новенькую.

— Смело, — заявила её спасительница, выходя последней. Есения шагала рядом.

— Блондинчик, которого лизнула корова, у вас что-то вроде местной звездочки? — спросила Есения.

— Вообще-то он тоже новенький, приехал в прошлом семестре, — ответила девушка. — Видимо, в выпускном классе новичков отбирали по уровню дерзости. — И, поправив очки, протянула руку. — Келли Майлз. Я, кстати, твоя новая

соседка. Рада знакомству.

— Зови меня Санни, — ответила Есения, протянув руку в ответ. — Ты меня спасла, Келли Майлз. Спасибо. И вообще, откуда ты знаешь китайский?

Глава 5

Девушки шли вдоль широкого холла учебного корпуса. Слева тянулись ряды дверей с табличками, на которых имена профессоров казались выгравированными на бронзе. Справа же панорамное остекление открывало вид на сад: огромная ива, её тонкие почти прозрачные ветви касались спокойной глади небольшого пруда. Через пруд был перекинут тёмный от влаги деревянный мостик, дорожка от него вела к одиноким скамейкам.

Есения на мгновение отвлеклась от разговора с Келли, руки в карманах пиджака сами потянулись к карандашу, но пальцы нащупали только гладкий корпус телефона. Это впечатление она обязательно перенесёт сегодня ночью на бумагу. Под лунным светом контраст тонких изгибов плачущей ивы и чётких линий моста мог бы выглядеть ещё эффектнее. Нужно только найти правильный угол.

— Я начала изучать языки как хобби, — вдруг услышала Есения. — Здесь не так много занятий по интересам помимо учебы, — поправив съехавшие очки, сказала Келли.

— Ты здесь давно? — спросила Есения.

— С начальной школы, — ответила девушка, и её голос на мгновение стал отстранённым, будто она заглянула куда-то далеко. — Мои родители приехали в Китай больше десяти лет назад и почти сразу построили экспортную компа-

нию, одну из крупнейших в Европе. Наш порт находится на Юге, поэтому они часто в командировках... — запал Келли немного погас, — а я здесь...

— Я понимаю, — Есения осторожно коснулась её плеча. Через тонкую ткань блузки чувствовалось напряжение.

Она действительно понимала её чувства. Когда одновременно гордишься родителями и не можешь этого сказать, потому что они слишком далеко или слишком заняты, чтобы это услышать. Любовь и обида, которые давно перестали мешать друг другу.

— Великих очень легко любить, но жить с ними отважится не каждый, — с улыбкой сказала Есения и чуть увереннее продолжила шагать по холлу. Острые шпильки монотонно выбивали ритм по полированному камню. Нужно было сменить тему, чтобы разговор не стал слишком личным.

— Келли, объясни мне, пожалуйста, как тут всё устроено. Я пока совсем не понимаю расположений корпусов и учебных классов, здесь есть система?

При этом вопросе глаза Келли стали чуть веселее. В них вспыхнул огонёк эксперта. Она явно наслаждалась пусть и не большим чувством превосходства перед новой знакомой.

— Всё довольно просто. Ты слышала о Запретном городе в Пекине?

Есения кивнула. Конечно, это же древняя постройка в самом центре столицы. Как Кремль в Москве.

— Да, конечно. Город в городе, там жили императоры.

Келли улыбнулась и, чуть замедлив шаг, взглянула на Есению.

— А знаешь ли ты, по какому принципу он построен?

— Хм... — Есения пыталась что-то вспомнить — ничего. Только хаотичные картинки из интернета, которые она мельком просматривала в самолёте. Красные стены, золотые крыши... и больше ничего. — Наверное, нет.

— Ты же знаешь, что китайцы помешаны на символизме, — Келли сделала паузу, явно наслаждаясь моментом, — они построили Запретный город не только на принципах дворцового ансамбля, но и вложили в него фэн-шуй, политическую идеологию и даже космологию. Так вот... — Девушка открыла дверь кабинета и прошла внутрь.

Кажется, в любом кабинете рассадка была одинаковой, словно действовал невидимый шаблон. Есения на автопилоте заняла место рядом с Келли и вдруг поймала себя на мысли: она уже знает куда сесть в незнакомом классе. Просто потому что система всегда и везде работает одинаково. Окна всегда слева, выход в зоне видимости — и она это знала ещё до того, как вошла. Привычка просчитывать всё заранее вдруг показалась ей слегка пугающей. Она потрясла головой, отгоняя навязчивую мысль, и поправила выбившуюся прядку прямых волос.

— Наша школа скопировала все принципы постройки Запретного города. Безумный архитектор решил, что Академия воспитывает юных Императоров. — Келли улыбнулась

какой-то своей мысли и достала из сумки ноутбук. Есения повторила за ней, с интересом впитывая в себя новую информацию. — Ты же видела главные ворота? Они очень похожи на императорские, только вместо драконов и львов поместили логотип школы.

Есения пыталась вспомнить главный вход, но память подводила. Наверное, из-за полумрака она просто не заметила. В голове был только образ чёрной машины отца и уже привычное ощущение высадки на другую планету.

Келли достала листок бумаги и ручку, а затем начертила прямоугольник, линии были уверенными и резкими.

— Итак, интересный факт номер один! Территория нашей академии в два раза больше Запретного города, она действительно огромная. Поэтому проще будет показать значимые места схематично. — Келли нарисовала маленькие ворота на нижней грани прямоугольника. — Здесь главные южные ворота. Далее снизу вверх начинаются жизненно важные пункты. Первое здание, которое ты увидела, — административное. Тебя там встретила Венера, да?

Есения кивнула.

Она наблюдала за тем, как Келли уверенно рисует карту по памяти, не задумываясь. Каждый символ на нужном месте, каждая линия без исправлений. Человек, который знает это место наизусть.

«Не потому что любит его, — подумала Есения. — Просто другого у неё нет».

— Она хорошая, правда, — продолжила Келли. — Ответит на любые вопросы и днём и ночью. Однажды я засиделась в библиотеке за проектом по истории, и охранник меня в ней закрыл. Венере пришлось меня выручать, но она не ругалась. Даже чаем напоила в административном корпусе. Она дала тебе свой номер?

Есения снова кивнула.

— Отлично, — сказала Келли и сосредоточенно продолжила выводить символы на карте. Ручка скрипела на бумаге. — Справа от административного корпуса наше общежитие для девочек. Здесь мужское, — на прямоугольной карте она поставила новый символ слева от административного блока. — Там в целом всё то же самое, что и у нас.

— Уверена? — послышался нахальный голос блондина позади Есении. — Ни разу тебя там не видел.

Келли будто сдулась и опустила глаза. Чуть ссутулилась и вдруг резко покраснела. Есения заметила это не сразу, а через секунду, словно в замедленной съёмке. Сначала голос, затем плечи Келли, и наконец этот румянец, который она явно ненавидела в себе, потому что прятала лицо за листком с картой. Всего одна реплика и от уверенного человека с ручкой и готовыми ответами не осталось ничего.

Есения развернулась и посмотрела на Алекса.

— Отвали, — холодно и медленно проговорила Есения, вкладывая в это слово всё презрение, а затем повернулась обратно к Келли. — Не слушай его, пожалуйста, для меня

твои объяснения очень важны.

Но наглый одноклассник не унимался:

— Эй, Кел, что будешь делать на выходных? Уезжаешь куда-нибудь? — спросил он нарочито громко, привлекая внимание окружающих.

Келли подняла голову, будто не веря, что он заговорил с ней, и повернулась к Алексу:

— Это ты мне? — тихо спросила она.

Алекс положил руки на парту и опустил на них подбородок — с самым невинным видом:

— Ну, конечно, принцесса.

Девушка, явно ошарашенная таким непринужденным тоном, округлила глаза и снова посмотрела на Есению. Затем, убрав в сторону импровизированную карту, ответила:

— На выходных я останусь в академии. Родители улетели в Европу на международную конференцию.

Алекс по-прежнему заинтересованно смотрел на Келли.

— Понимаю, — ответил он, намеренно растягивая каждый слог. — Я тоже остаюсь, родители не смогут забрать. — Он чуть склонил голову набок и, протянув руку, коснулся локона светлых волос девушки. — Вот мы и встретились, два одиночества. — Он улыбнулся Келли такой нежной улыбкой, что у Есении пересохло горло.

— М-м-м... — лишь промычала та в ответ.

— Я зайду к тебе как-нибудь на днях? — тихим бархатым голосом спросил он.

Есения наблюдала за этой сценой с тем странным чувством, когда понимаешь, что стала лишней в разговоре. Алекс смотрел на Келли так, будто в кабинете больше никого не было. И Келли — та самая Келли с резкими линиями на карте и уверенным голосом эксперта — вдруг стала совсем маленькой и до ужаса растерянной.

«Осторожно», — мелькнуло в голове Есении неизвестно кому.

Она отвела взгляд к окну, заметив во дворе ту самую иву, которую хотела зарисовать. Просто дерево и вода. Просто ещё одно место, в котором она ненадолго.

Только почему-то уходить отсюда уже не хотелось так сильно, как утром.

Келли едва заметно кивнула на вопрос Алекса и, снова повернувшись, продолжила лекцию.

— Так вот, чуть выше административного корпуса находится учебный корпус-лабиринт. — Девушка поставила точку, рука слегка задрожала, вырисовывая кривоватую звёздочку. — Мы сейчас находимся здесь.

— Почему лабиринт? — удивилась Есения.

На самом деле ей хотелось спросить, какого чёрта только что произошло и почему её соседка так странно отреагировала на придурка позади. Но решила, что спросит об этом наедине.

Глава 6

— Ты не обратила внимание, что тут странная нумерация кабинетов? За эти годы я так и не поняла принципа, — за-тараторила Келли. — Похоже, это была шутка для первого уровня. — Она пожала плечами и исподлобья взглянула на Есению.

— А что ещё за первый уровень?

— Ученики в шутку разделили всю территорию на уровни. — Келли разделила прямоугольник на три блока. Бумага хрустнула под нажимом. — Смотри, это действительно похоже на игровое поле. Сейчас мы на первом.

Келли указала точкой на середину линии за учебным корпусом.

— Днём ты свободно можешь передвигаться, но после одиннадцати — запрещено. Если застукают — будет неприятный разговор с Венерой, который точно испортит вечер.

— А что на втором уровне? — с интересом спросила Есения.

— Ничего сверх мистического на самом деле. За учебным корпусом есть ворота, они ведут к главному зданию. Считается, что это сердце академии, там кабинет директора. Но, надеюсь, ты туда не попадёшь, — криво улыбнувшись, сказала Келли. — Вокруг этого здания огромная территория красивого парка, там классно бегать по утрам.

— Не бегаю, но прогуляться буду не прочь, — проговорила Есения. Она представила себе пустые тихие аллеи на рассвете, когда ещё нет никого из тех, перед кем надо быть кем-то. Да, это было бы неплохо. Она давно не рисовала на улице, отец вообще считал это неприличным, слишком похожим на уличного художника.

— В парке и правда лучше пройтись, там библиотека, тренажёрный зал, отдельный корпус с бассейном — вода там идеально бирюзовая — и даже небольшой зал для наблюдения за природой.

— Ого, — вырвалось у Есении. — Какое интересное использование вложений инвесторов.

За спиной послышался лёгкий смешок. Единый, короткий выдох, полный снисхождения. Проигнорировав его, девушки продолжили разговор.

— А что на третьем уровне? — спросила Есения.

— Там большая территория для преподавателей и рабочего персонала. Говорят, на холме стоит личное поместье директора и из окон видна не только водная гладь, но и все корпуса вплоть до южных ворот. Как смотровая крепость.

Есения удивлённо смотрела на знак вопроса, который нарисовала Келли на третьем уровне, и молчала.

— Да, слышал, они там ещё все ходят обнажёнными, — Алекс не унимался. Его голос звучал как назойливый писк комара у уха среди ночи.

Есения снова к нему повернулась.

— Неужели ты такой тупой, что тебе необходимо повторять дважды, чемпион? — чуть громче, чем сама ожидала, спросила Есения.

По классу прошла волна сдержанного шипящего смеха. Одноклассники снова с интересом наблюдали за странным столкновением новичков.

Алекс улыбнулся своей хищной улыбкой и ответил:

— Смотря в какой мы будем позе, мисс Янг.

Есения опешила. Алекс ответил на чистом, безупречном русском. Без тени акцента.

Сидевший рядом одноклассник спросил Алекса:

— Что ты ей сказал, бро?

— Не важно, — с хитрой улыбкой ответил Алекс, не отводя своих карих глаз от её разноцветных. — Главное, что она всё поняла.

В класс быстрым шагом зашла преподавательница, и все переключили внимание на неё. Есения отвернулась и попыталась успокоить дыхание.

Сердце колотилось где-то в горле. Внезапное наваждение от взгляда Алекса пеленой накрыло её. Он говорил по-русски. На её тайном языке, на языке её мыслей. Это было вторжение, и от этого щекотало под лопатками. Словно услышать щелчок дверного замка твоей собственной спальни среди ночи. Когда никого не ждёшь, когда ключ есть только у тебя.

— Что это был за язык? — тихо спросила Келли.

— Русский, — шепнула в ответ Есения.

Келли плотно сжала губы и потёрла переносицу, но промолчала.

Весь оставшийся день фраза Алекса звучала у неё в голове тихим эхом. Уроки проходили как в тумане. Есении было сложно объяснить этот тревожный комок в груди. После отъезда из России ни в одной школе, ни в одном классе, ни с одним парнем она не говорила на русском. Это было слишком лично. Это был её тайный язык с мамой и тоска по месту, которое она считала домом.

К вечеру внутреннее напряжение достигло предела. Мысли хотелось смыть, развязать узел в голове. Она вспомнила, что Келли упоминала про бассейн, и, решительно встав с кровати, быстро собрала сумку. Главное — добраться до воды, боль отпустит.

Входная дверь, ведущая к бассейну, оказалась не заперта. Есения зашла и сразу почувствовала знакомый запах хлорки и сырости. Пройдя по указателям, нашла женскую раздевалку и, быстро переодевшись в чёрный слитный купальник, прошла к бассейну.

Огромное помещение частично погрузилось во мрак. Дежурное освещение отражалось в чёрной, неподвижной воде. Полная, гулкая тишина вокруг. Идеально. Есения скинула полотенце на лавку и, сделав несколько разминочных движений, погрузилась в воду.

Первое ощущение прохладной воды заставило тело покрыться мурашками. Игнорируя головную боль, она резко

оттолкнулась от бортика и поплыла свободным стилем. В ритмичном шуме всплесков и собственного дыхания тугой узел начал ослабевать. Хаотичный поток мыслей наконец отступил, и Есения почувствовала лишь напряжение в мышцах. Она проплыла ещё несколько дистанций и перевернулась на спину, позволяя себе расслабленно лежать на поверхности и смотреть в темноту потолка.

На пару мгновений внешний мир испарился. Она снова была Ясей — той доброй и наивной девочкой, которой все ещё помнила себя в детстве. В России. Когда у неё были друзья, мечты и наивное ощущение, что всё будет хорошо.

Она закрыла глаза и погрузилась в воду с головой, смывая непрошенные слёзы. В момент, когда голова снова оказалась на поверхности, она услышала резкий звук всплеска. Кто-то прыгнул с вышки. На дальней дорожке она заметила движение. Пловец в шапочке и очках рассекал воду в стиле баттерфляй. Руки поднимались и падали синхронно, без единого лишнего движения. Есения замерла, наблюдая за незнакомцем. Широкие махи явно принадлежали огромному, накачанному парню. Он быстро преодолел расстояние от одного края бассейна до другого и остановился по одну сторону с Есенией.

Их разделяли пять дорожек. Есения толком не видела очертаний лица незнакомца, лишь заметила, как он снимает очки и шапочку, восстанавливая дыхание. Она увидела россыпь влажных выющихся тёмных волос. Парень медлен-

но поднимался из воды.

Словно в замедленной съёмке, он выходил из тени, позволяя Есении насладиться атлетичным телосложением юного Аполлона. Теперь она видела его полностью: выющиеся волосы обрамляли тонкие черты лица, высокие скулы и тёмные брови. Его взгляд холодных серых глаз коснулся лица Есении и на мгновенье замер на разноцветных глазах. Есения не удержалась и повела взгляд чуть ниже — широкие плечи и чёткие линии груди, пресса и бёдер. Парень не улыбнулся, не остановился, затаив дыхание от её взгляда, не выдал ни одной привычной для Есении эмоции. Он был спокоен. Он не был поражён.

— У входа стоит автомат с шапочками для бассейна, — сказал незнакомец по-английски, проходя мимо неё. — Пожалуйста, принцесса, не раскидывай свои волосы, ты здесь не одна.

Закончив фразу, он скрылся за дверью мужской душевой, даже не кивнув на прощание. Вода вдруг показалась ей ледяной — такой же холодной, как выражение его глаз. Аполлон был прекрасен, но при этом такой же безэмоциональный, как кусок гранита. Она быстро выбралась из бассейна и завернулась в полотенце.

«Кто ты такой, маленький красивый полубог? — подумала девушка, пока шла в женскую душевую. — Неужели новый Джек?»

Вечером в своей комнате она уже и забыла, что хотела на-

рисовать плакучую иву и пруд. Она резкими штрихами набросала силуэт незнакомца и твёрдо решила, что они встретятся ещё раз.

Келли тихо зашла в комнату.

— Привет, — улыбнувшись, сказала она и села на свою кровать. — Как ты тут? Обживаешься?

Есения оторвалась от альбома и огляделась. Да, кажется, адаптация проходила неплохо.

— Ты рисуешь! — с восхищением проговорила Келли, уставившись на набросок. Есении вдруг стало неловко от того, что её поймали за тайным увлечением. — Кто этот красавчик? Кто-то из наших одноклассников?

Есения помотала головой и закрыла альбом, убирая его по привычке под подушку.

— Встретила одного в бассейне, очень уж лакомый кусочек.

Келли широко улыбнулась, проверяя уведомления на телефоне.

— Знаешь, красавчиков здесь действительно хватает, — начала она. — В моём блоге подписчики даже называют нашу школу «Роковая академия».

Есения рассмеялась, Келли, подхватив озорную волну разговора, засмеялась вместе с ней.

— Ты блогер? — спросила Есения. Келли кивнула и снова потянулась к телефону.

— Вот, — она показала страничку в соцсети. — Изначаль-

но я просто рассказывала об изучении языков. Но за все эти годы аудитория выросла в разы, так что сейчас это скорее лайфстайл-блог о жизни школьницы.

На страничке Есения увидела число подписчиков и округлила глаза.

— Сто пятьдесят тысяч, — выдохнула она. — Да я живу с настоящей звездой.

— Да ладно тебе, там ничего особенного, — слегка краснея, ответила Келли. — Сделаем селфи? Покажу аудитории новую соседку.

Есения улыбнулась.

— Прости, но я не веду соцсети и вообще предпочитаю не афишировать свою жизнь. Положение моей семьи обязывает, ты же понимаешь?

Келли чуть поникла, но понимающе кивнула. — Просто не хочешь показываться миру без макияжа, да? — Она хитро улыбнулась.

«А эта девчонка хороша!» — подумала Есения и снова рассмеялась.

— Как же ты проницательна, Келли Майлз!

Соседка посмотрела за спину Есении.

— Я могу сделать сегодня хотя бы фото твоих классных масок на стене? Подготовлю подписчиков к новости о тебе.

Есения кивнула и сделала шаг в сторону.

— Обещаю, завтра сделаем классные фотки для твоих фанатов.

Чуть позже Есения легла на кровать, закинула руки за голову и уставилась в потолок. Серые глаза незнакомца смотрели на неё из темноты. Она улыбнулась.

Глава 7

Второй учебный день был чуть меньше похож на предыдущий. Ориентирование в пространстве по-прежнему давалось Есении непросто. На помощь, как и вчера, приходила Келли. Гелевый мальчик всё ещё сыпал колкими комментариями за её спиной.

Но преподаватель по математике всё же умудрился её удивить. Всего за один день он нашёл ей репетитора и уже назначил первую встречу в библиотеке на сегодня. Есении не нравилась эта затея, но, увы, чтобы правдоподобно надавить на нужные точки господина Хэ Цзенья, ей нужно было создать видимость невероятных усилий. Поэтому сразу после уроков они отправились на второй уровень.

Библиотеки не слишком впечатляли Есению. Она терпеть не могла эти пыльные замкнутые помещения. Книги навели на неё тоску, особенно книги по математике. Поэтому она смиренно шла за учителем и делала вид, что ей интересна его «вдохновляющая речь».

— Мисс Янг, сегодня я познакомлю вас с очень одарённым молодым человеком, — заявил преподаватель. — Он тоже новенький, приехал из Канады с феноменальными результатами по точным наукам. В прошлом семестре всего за неделю наших занятий он не просто поразил меня своим складом ума, но и успел ввести меня в довольно продолжи-

тельные дебаты по поводу нескольких теорий. — Хэ Цзень при этом слегка улыбнулся, явно вспомнив их разговор.

— Почему он согласился помогать мне? — неожиданно для самой себя спросила Есения. Преподаватель лишь пожал плечами. Вероятно, он и сам не знал ответа.

Они прошли вдоль длинных полок первого этажа библиотеки и остановились у дальней парты. За ней сидел парень — тёмные вьющиеся волосы, очки в чёрной оправе, белая рубашка, которая, кажется, была ему мала. Парень увидел их и, поднявшись со стула, протянул руку преподавателю.

— Здравствуйте, — спокойным голосом проговорил он. Взгляд из-под очков направился на Есению. Тогда она поняла, что её новый репетитор — тот самый Аполлон.

— Добрый день, Виктор, — быстро проговорил Хэ Цзень. — Это мисс Янг, та, о ком мы с тобой говорили. — Он указал на Есению.

Улыбнувшись, она протянула руку:

— Привет, Виктор.

Парень мягко прикоснулся к её ладони, на мгновение задержавшись. Большой палец нежно провел по внутренней стороне ладони. Это движение не показалось Есении дерзким или нахальным, её скорее удивляла естественность происходящего, хотя выражение его лица при этом оставалось по-прежнему спокойным.

— Что ж, — немного замялся преподаватель, нарушая тишину. — Оставляю вас здесь, и, пожалуйста, помните, что ос-

новная цель — сдать экзамен.

Хэ Цзень удалился. Есения и Виктор остались наедине в огромном библиотечном зале. Его холодный взгляд сканировал лицо Есении, не опускаясь ниже. Тепло руки и холод в глазах заставляли мурашки пробежать по телу.

— Присаживайся, — указав на противоположное место, наконец сказал он.

Есения сама поразилась, как быстро он завладел ситуацией. Его прикосновение загипнотизировало её. Формальное рукопожатие он превратил в интимную встречу — она мгновенно забыла, с какой целью шла сюда. Забыла, что носит маску, забыла, как её зовут.

Виктор разложил перед ними учебники и, скрестив руки перед собой, заговорил:

— Насколько ты плоха, мисс Янг?

Есения забыла, как дышать. В голове пронеслось столько пошлых мыслей, что она еле сдержала этот поток. Он явно надушился афродизиаками.

— Что ты имеешь в виду? — Сделав вдох, она достала из сумки новую тетрадь и ручку и подняла взгляд на него.

— Как много нам придётся работать над математикой? — уточнил Виктор.

«Господи, если ты меня слышишь, давай мы с Виктором лучшие поработаем над чем-нибудь другим».

— Безнадёжно долго, — с улыбкой ответила она. Парень приподнял левую бровь, при этом слегка улыбнувшись угол-

ками губ.

— И вообще, раз тебе предстоит терпеть меня целый семестр, зови меня Вань.

Он кивнул и начал листать учебник в поисках нужной главы.

— Надеюсь, ты купила шапочку для бассейна, — тихо проговорил Виктор.

— Давай ты просто мне скажешь, в какое время обычно ходишь в бассейн? — Есения с вызовом посмотрела на него. — Я не люблю ограничения и шапочку надевать не собираюсь.

Виктор не поднял глаз, губы слегка дрогнули.

— Как скажешь, Вань. Тогда, пожалуйста, постарайся не приходить каждый день с восьми до девяти вечера. А теперь давай приступим.

Два часа с ним оказались пыткой особого рода — и совсем не из-за математики. А потому что он был слишком близко, когда наклонялся над тетрадью, и она чувствовала тепло от его плеча раньше, чем успевала прочитать условие задачи. Есения ощущала запах амбры и кислой вишни. Его запах. Удивительный и совсем ему не подходящий. Вишня ассоциировалась у нее с тёплой зимой, мягким пледом и уютом. А Виктору скорее подошёл бы запах дерева. Что-то нейтральное, мужественное, но точно не вишня.

Один раз он сказал «смотри сюда» и указал карандашом на строчку в учебнике, и она честно смотрела куда надо це-

лых три секунды, прежде чем взгляд сам съехал на его руку. Она успела заметить, что у него длинные пальцы. Это была абсолютно лишняя деталь, которую совершенно незачем было замечать. И тем не менее она заметила. И ещё то, что рубашка на запястье немного измята, будто он закатывал рукав и забыл вернуть на место. И механические часы без лишних деталей.

«Три наблюдения за три секунды. Что происходит?»

Её мозг явно перестал слушаться. Виктор вроде ничего не заметил. Ну или сделал вид.

Один раз она написала ответ правильно. Сама, без подсказки.

— Верно, — сказал Виктор. Всего одно слово, а Есения почувствовала такое несоразмерное удовольствие от этого «верно», что немедленно разозлилась на себя.

Это время наедине с ним стало смесью мучения и возбуждения. В конце занятия с красавчиком мозг плавился от его обволакивающей ауры, в которую хотелось погрузиться еще глубже, и от невыносимо сложных примеров.

— Думаю, на сегодня достаточно, — сказал Виктор, закрыв учебник. — Вижу, что тебе непросто, но надеюсь, что уже совсем скоро ты станешь великим математиком.

Есения расхохоталась, этого уж точно ей не видать.

— Мне бы всего лишь сдать экзамен, — ответила она и, быстро сложив вещи в сумку, поднялась со стула.

— Именно для этого я и здесь, — он последовал за ней.

— Позволишь проводить тебя до общежития? — Его рука аккуратно легла на её поясницу. Тёплая, обволакивающая.

Они молча шли вдоль аллеи, ведущей из второй секции в первую. Он всё ещё не убрал руку, его прикосновение опьянило её. Она не могла сконцентрировать мысли, только вдыхала его вишнёвый аромат. Проходящие мимо студенты с интересом наблюдали за ними.

Есения поняла, что совершенно не контролирует ситуацию. Она ведь умела читать людей и на интуитивном уровне всегда знала, когда человек хочет произвести впечатление или нервничает. Это был навык, отточенный годами смены школ и стран. Новый класс, незнакомые лица — и уже через час она знала, кто здесь опасен, кто безобиден, кто притворяется. С Виктором же её интуиция предательски молчала. Он не читался ни на одном знакомом ей языке. Совсем. Она смотрела на него и видела только поверхность — спокойную, ровную, без единой трещины.

«Лучше бы флиртовал, честное слово!»

Есения подумала, что, скорее всего, они роскошно смотрятся вместе. Он достаточно высокий, чтобы она могла носить свои шпильки. Она достаточно красивая и хрупкая, чтобы гармонично смотреться рядом.

Когда они подошли к корпусу, Виктор, сняв очки и аккуратно сложив их в чехол, сказал:

— Дай мне свой номер телефона, Вань.

«Наконец-то, рыбка попала на крючок».

— Зачем? — Есения сделала шаг назад, пелена спала с глаз, чистый кислород проник в голову и позволил сконцентрироваться.

— Отправлю тебе материалы для самостоятельного изучения, — спокойно ответил он и протянул свой телефон.

Есения лишь кивнула и вбила цифры. Досадно. Конечно, ей абсолютно наплевать на эти учебные материалы, лучше прислал пару своих фото без рубашки.

— Увидимся в четверг, — сказал Виктор и, развернувшись, пошёл в противоположную сторону.

Он не обернулся. Даже не оглянулся через плечо. Он не был ей очарован. Но успел очаровать её.

Есения легла на кровать и уставилась в потолок. На стене всё ещё висели её любимые маски. Красная — отвага. Белая — коварство. Она долго смотрела на белую.

«Интересно, — подумала она, — Какого цвета маску носит Виктор?»

Глава 8

Виктор прошёл вдоль административного здания к своему общежитию. Очень хотел обернуться и снова взглянуть на эту девушку, но сдержал порыв. Зайдя за толстый ствол дерева, убедился, что камеры не ловят в этой зоне, и, быстро достав сигарету, сделал первую спасительную затяжку. Всего пара часов с Ваньи ясно дала ему понять, что по-старому точно не выйдет.

Стандартная схема действий не работала. Девушка не прыгнула в его объятия, не смутилась при прикосновении, не дала повода для флирта, ни одного намёка. Максимум, что он получил от неё, — это пронзительный взгляд разноцветных глаз, подчёркнутых тонкими золотыми стрелками.

Задумавшись, он простоял так под деревом дольше, чем планировал. Сигарета догорела, он выбросил окурок и закурил вторую, чего обычно не делал. Бросить курить пока не получится, он понимал это точно. Вот и сегодняшний лимит накрылся.

«Но почему она не среагировала на прикосновение?»

Это случалось редко. Да почти никогда! Он уже даже не помнил, чтобы кто-то оставался к нему равнодушен. Виктор умел выбирать угол давления: чуть ближе, чем нужно, чуть дольше, чем положено. Девяносто процентов делали шаг навстречу или хотя бы теряли нить разговора. Ваньи же просто

посмотрела на него. Прямо, без смущения, с лёгким любопытством — как на задачу, которую ещё не решила, но уже не боится. Виктор выдохнул дым и мысленно пересмотрел свой план с начала.

«Интересно...»

Она была безупречна в каждом движении, даже когда надолго застывала перед примером, который, честно говоря, он специально подбирал попроще. В математике она была абсолютно безнадёжна — это факт. И этот факт был ему на руку. Чем дольше она будет разбираться, тем больше у него будет времени придумать новый план.

Быстро покончив с сигаретой, он шёл по тропинке к общежитию. Захватив на первом этаже две пачки странных китайских чипсов, которые они с братом уже успели полюбить, зашёл в их комнату.

Алекс лежал на кровати и подкидывал к потолку мяч для регби. Снова стащил с его полки. Вообще, Алекс не из тех, кто грезил спортивными достижениями, это скорее про Виктора. Тот придумал себе забаву: добиваться успехов в разных видах спорта в каждой новой школе. В этом году выбор пал на бассейн, до этого, в Торонто, — почему-то на регби. Он попробовал многое не потому, что действительно любил спорт, интерес был исключительно шкурный.

Во-первых, все любят спортивных. Во-вторых, у всех спортсменов всегда своя тусовка — это позволяет чуть меньше думать о том, что ты вообще не сдался своим родителям.

Ну и в-третьих, Алекс жутко бесился от его побед.

— Привет, братец, — заметив Виктора, сказал Алекс, продолжив подкидывать мяч вверх.

— Привет, малыш, — ответил Виктор и, кинув сумку на стоящий рядом стул, начал переодеваться. Идиотские фирменные рубашки вечно были малы, а новые, на размер больше, придут только через пару недель.

— Как ты умудрился стать её репетитором? — неожиданно спросил Алекс, словно замороженный в своей медитативной игре с мячом.

— Немного поболтал с нашим преподам по математике и случайно узнал, что Ваньки нужна помощь, — широко улыбнулся Виктор.

— Как благородно, — скривив лицо в саркастичной гримасе, ответил Алекс. — Уже проделал свои штучки с прикосновением большого пальца?

Виктор кивнул.

— Снова играешь роль холодного и загадочного альфа-человека?

Виктор снова кивнул и кинул в брата пачку чипсов. Одной рукой Алекс по-прежнему подбрасывал мяч, второй, словив пачку, бросил её на свой стол рядом с кроватью.

— Ну хоть разок бы сменил тактику, так ведь не интересно. Они все ведутся на эти шаблонные действия, как зомби... — Алекс явно был огорчён.

— Она не повелась, — Виктор, сняв рубашку, искал в шкафу хоть какую-нибудь чистую футболку. Мяч взлетел и

звонко упал Алексу на лицо после слов Виктора.

— Ай, твою мать! — громко выругался Алекс и сел на кровать. — Как не повелась? Сбой в системе?

Виктор наконец нашёл белую футболку, понюхал её, убедившись, что хоть что-то из его гардероба еще можно надеть, и лишь пожал плечами в ответ. Через пару минут, подумав, сказал:

— Я почти уверен, что это из-за твоих идиотских духов.

— При чем тут мои духи? — удивился Алекс.

— Сегодня утром я перепутал наши флаконы в ванной. Твои духи пахнут вишней, ты что, пятнадцатилетняя девчонка? Я весь день излучал запах тортиков, не особо клеится с ролью, которую я хочу показать этой принцессе.

Алекс закатился в долгий и мучительный для Виктора смех. Он схватился за живот и никак не мог остановиться. Слезы текли из глаз, но Алекс смеялся так искренне, что Виктор, не удержавшись, тоже присоединился к веселью.

— Придурок, запах — очень важная штука для девчонок, — спустя пару минут сказал Виктор. Он сел на свою кровать напротив брата и, открыв пачку с чипсами и принялся жадно их есть.

— Ну да, твой план «посмотри-потрогай-поцелуй» не сработал из-за меня, извини, — Алекс выглядел слишком довольным. Он явно ожидал других новостей.

— Неужели твой план «окутать очередную малышку заботой» уже сработал? — с вызовом спросил Виктор.

Алекс покачал головой.

— И снова не в этот раз. Я всё ещё настаиваю, что с этим образом, — Алекс указал на волосы, — моя стандартная стратегия «милого друга», не работает. С ней я играю задир, посмотрим, что из этого получится.

— Умно и очень смело, — сказал Виктор. — Ну, так как теперь я чёртова вишенка, пользуйся моим парфюмом. Иначе у неё могут возникнуть вопросы.

Алекс кивнул и тоже открыл пачку чипсов.

— Ты знал, что она наполовину русская? — спросил он.

— Уже догадался, — Виктор замер, но затем кивнул. — Откуда информация?

— Ткнул сегодня пальцем в небо с рандомным ответом на её реплику в классе и попал, — ответил Алекс. — Как ты догадался?

— У неё сучий взгляд, — Виктор, доев чипсы, кинул упаковку через всю комнату и точным движением попал в мусорку у двери. — Так смотреть умеют только русские девушки.

— И не поспоришь ведь...

Алекс встал со своей кровати и начал складывать в большой рюкзак его стандартный набор сумасшедшего: какие-то альбомы, коробочки, тряпки, одному богу известные инструменты. Виктор смотрел, как брат запикивает очередной альбом. Алекс никогда не говорил о том, что именно рисует, и даже не показал ни одного своего рисунка. Просто исчезал

иногда и возвращался спокойным. Не тем наигранным при-
дурком, амплуа которого он так пытался выставить в классе,
а настоящим. Виктор давно понял: рисование для брата то
же самое, что бассейн для него. Место, где не нужно никому
ничего доказывать. Жаль, что Ваньки тоже рисует. Это давало
Алексу козырь, которого у Виктора не было.

— Рисовать? — коротко спросил Виктор.

Алекс кивнул.

— Да, нашел здесь по наводке одной одноклассницы «Ме-
сто для созерцания» — естественно, туда никто не ходит.
Пойду посижу в тишине, без твоего идиотского бубнежа. —
Алекс накинул серую толстовку поверх футболки и двинул-
ся к двери.

— Малыш, — тихо сказал Виктор. Алекс обернулся. —
Она рисует.

— Откуда информация? — брови Алекса выгнулись ду-
гой от удивления.

— Ты забыл, что я очень наблюдательный. Приглядишься
сам хоть раз, она использует точно такие же карандаши, как
и ты. Те, что заказывают арт-фанатики из Милана, ты же мне
постоянно читаешь лекции про эти уникальные грифели. —
Виктор, закинув руки за голову, выглядел блаженно. — А
после того, как в прошлом году я прошёл все круги ада, что-
бы их привезли к твоему дню рождения, теперь я узнаю их
из тысячи.

— Зря даешь мне фору, Вишенка. Даже не знаю, как те-

перь у тебя получится выиграть титул Чемпиона, — глаза Алекса искрились весельем, он уже явно предвкушал победу. С братом никогда не угадаешь, где заканчивается случайность и начинается расчёт. Иногда Виктор думал, что Алекс притворяется дурачком куда лучше, чем он сам притворяется холодным.

— С такой отвратительной прической, боюсь, шансов у тебя немного, — Виктор улыбался во весь рот от своего едкого замечания. — Просто предложи ей переспать с тобой, вдруг сработает.

— Придурок, — лишь пробубнил в ответ Алекс. — Ты глаза её видел? Шансы равны.

Дверь закрылась.

Обдумывая эту фразу, Виктор поднялся с кровати и начал расхаживать по комнате, пытаясь уgomонить мысли. Глаза цеплялись за предметы, хаотично разбросанные на стороне младшего брата. Он всегда был неряхой, в оправдание называя себя «творческой натурой». Взгляд зацепился за коричневый блокнот, аккуратно лежащий на столе среди завалов из учебников, пустых бутылок из-под газировки и странных предметов для рисования, названия которых Виктору были не знакомы.

На секунду он замер, взвешивая все за и против своих намерений. Соблазн заглянуть в голову брата был велик. Он уже видел подобные блокноты брата раньше, тот любил записывать свои мысли, но всегда был осторожен и Виктору

всего пару раз удалось подглядеть в такие записи.

Виктор огляделся, словно боясь, что кто-то сможет за ним подглядеть.

«*Шансы равны...*» — последняя фраза, брошенная из-за спины, всё ещё крутилась в голове. Алекс редко бывал честен в своих оценках. Но сейчас был.

Виктор подумал о её глазах. Разноцветных с тонкими золотыми стрелками. Правый коричневый, левый с ярко-голубым пятнышком — он это заметил ещё в бассейне, но тогда не придавал значения. Теперь придавал. Ещё и Алекс со своей дурацкой теорией про цвет глаз. Виктор всегда считал это чушью. Но, кажется, больше не был в этом так уверен.

Сделав несколько аккуратных шагов к столу, он открыл блокнот.

Дорогой дневник Привет Хрень какая-то

Виктор прыснул, не сдержав смеха от зачёркнутой первой строчки, прикрыл рот ладонью, не веря своим глазам. Алекс действительно начал вести дневник, как пятнадцатилетняя девчонка. Почти не касаясь странички, он начал быстро проводить глазами по тексту.

К чёрту. Нахрен обращения и лишние слова. Здесь будет только самое главное.

Цель – Янг Вань.

Возраст – 18 лет.

Отец – дипломат. Мать – ???

В социальных сетях не удалось найти ни одной зацепки, она чёртов призрак. Даже упоминаний нет.

Принцесса пока не подает признаков интереса.

Отличительные черты:

уверенная

дерзкая

чертовски сексуальная

говорит на трёх языках (может больше?)

слаба в математике (узнать, как Виктор напросился к ней в репетиторы)

глаза (подобрать оттенок для набросков. Акварель не подходит)

План: зайти через Келли. Попробовать поиграть на чувствах, посмотреть на реакцию обеих.

Статус жертвы: не ясен.

Соперник: мудака. Узнать тактику.

«Невероятный уровень подготовки», — подумал Виктор, глядя на неровный почерк брата. — «Впервые вижу, чтобы он так серьёзно относился хоть к чему-то».

Алекс никогда не страдал от мук выбора тактики. Девчонки всегда велись на его харизму и выкрутасы в компаниях. Неужели последняя школьная принцесса была так важна для него? Ведь дальше больше — в университете множество вариантов для новых пари.

Виктор аккуратно закрыл блокнот, стараясь не оставлять следов преступления. Еще раз оглядел стол и, убедившись, что визуально ничего не изменилось, отошел к своей кровати.

Он давно осознал: девчонки были только списком в их многолетней игре. Она была важна только потому, что пока она продолжалась — был Алекс. Кто-то, кому не всё равно, выиграешь ты или нет. Пока существовало пари — у него был брат и Виктор всегда шёл у него на поводу. Никто из них не говорил об этом вслух. Да и зачем? Некоторые вещи понятны без слов. Когда растёшь с человеком в одной комнате, только он знает тебя настоящего и возникает невидимая связь. Но когда этот человек хитрый засранец вроде Алекса, пари держит эту связь живой... А Виктор уже не мог представить себя без брата. Они бросали друг другу вызов с самого детства.

Взгляд упал на рамку с фотографией, стоящей на общей полке возле двери. На ней шестилетние Алекс с Виктором в одинаковых красных клетчатых пижамах с радостными лицами открывают рождественские подарки. Тогда мир не был так сложен, игра ещё не была так коварна, а сердца принцесс

ещё не были разбиты.

На фото они ещё не знали всей правды, не знали, что их появление на свет было результатом мимолётного романа молодой русской девушки и члена британской королевской семьи. Об этом знали лишь единицы.

Отступные, конечно, были щедрыми — не зря неполная семья могла себе позволить жить в разных странах столько лет. При одном лишь условии: никто и никогда не должен был узнать, кто их отец. Если бы не очередной спор с братом после открытия рождественских подарков — кто дольше просидит под кроватью мамы и останется незаметным — они бы не услышали её разговор с бабушкой по телефону. Не увидели бы маминых слёз. Никогда бы не узнали правды.

Виктор улыбнулся, вспомнив, что от шока Алекс обмочился, а мама подумала, что в квартире завелась плесень. С тех самых пор всё изменилось: чем старше Виктор становился, тем больше осознавал, что мама несла на своих плечах груз ответственности весом в две жизни и довольно паршиво с этим справлялась. Ему было искренне жаль её. Алекс же, наоборот, — словно с цепи сорвался на мать. Когда этим летом ему исполнилось 18, он даже пытался сменить фамилию, настояв на фамилии деда — Романов. Но из-за бумажной волокиты процесс затянулся. Виктор же потакал причудам матери и брал каждую её новую фамилию: Кингсли, Браун, а теперь Смит. Последняя была даже забавной. Мама и отчим — мистер и миссис Смит.

С тех пор как они узнали тайну семьи, стало ясно: кроме как друг за друга, держаться больше не за кого.

Всё начиналось с мелких шалостей: например, довести няню до слёз. Это ведь было так легко. Алекс делал это виртуозно, размазывая еду по дорогим обоям во всех комнатах. Украсть у матери деньги из кошелька — ещё проще. Виктор до сих пор в деталях помнил, как вытащил стодолларовую купюру из маминой сумочки, и они скупили все возможные шоколадки в соседнем магазине. Брата после сахарной вечеринки рвало пару дней.

Но уже в средней школе эти забавы стали чуть более избирательными. Девчонки. Влюбить в себя раньше брата, выцарапать из невинной души признание. Смотреть, как она страдает, а потом просто уйти. С годами азарт побед и поражений превратил подобные споры в изящное соперничество.

Плечи медленно затряслись, к горлу подступил комок непрошенного смеха. Пытаясь сдержаться, он завалился на кровать, уткнувшись лицом в подушку.

— Дорогой дневник, — проговорил Виктор. — Вот же придурок.

Глава 9

Вот уже которую неделю Джекозаменитель в очках сводил её с ума. Медленно и методично, словно намеренно. Никаких резких движений или громких жестов, только ночные переписки. Лёгкие, почти невинные, при этом между строк всегда проскальзывало что-то опасное — будь то пауза или недосказанность, которые цепляли сильнее откровенных признаний. Но при личных встречах его словно подменяли коварным братом-близнецом. Холодным, отстранённым и без единого шага навстречу.

А Есения так не привыкла. Обычно всё было гораздо проще: парни начинали первыми, затем теряли голову. Он должен был добиваться её, и только она могла решать, как повернётся эта игра и когда закончится. Виктор выбил её из равновесия именно этим — нарушил все правила стандартной игры.

Он был стопроцентным попаданием в её типаж. Она призналась себе, что хочет его ещё после второго совместного урока. Гордость не позволяла ей признаться в этом вслух. И это безумно раздражало её.

Но злиться было бессмысленно. Социальные нормы существовали не просто так — у каждого своя роль. Он был опасно привлекательным, и именно поэтому она так злилась. Есения зашла в туалет на первом этаже библиотеки и остано-

вилаась возле зеркала. Быстро собрав в пучок длинные каштановые волосы, она привычным движением заколола их карандашом. Заколки вечно терялись, а карандаши были под рукой в любой момент.

Сегодня она сделала простые чёрные стрелки, решив, что с неё достаточно. Виктор, конечно, хорош собой, но эта дистанция совершенно не то, что она искала в нём.

«Молчи, милый, но рядом».

Есения достала из косметички ярко-красную помаду и, очертив линию пухлых губ, провела чёткие штрихи. Это больше не будет флиртом — в этот раз она решила сделать заявление. Высокие ботфорты на толстой подошве подчёркивали голое бедро между юбкой и краем обуви. Тонкая сетка колготок цепляла взгляд, даже её собственный. Белая рубашка с невинно расстёгнутыми верхними пуговицами завершала образ.

Есения медленно подходила к их столу, намеренно покачивая бёдрами. Виктор уже ждал её и, как всегда, был погружён в учебник.

— Привет, — тихо сказала Есения и коснулась его плеча.

Виктор поднял глаза. Единственной реакцией его тела стало медленное движение кадыка.

«Хороший знак для начала, верно?»

— Привет, Вань, — низким голосом произнёс он. — Присаживайся, пожалуйста, — Виктор указал подбородком на её привычное место напротив, всё ещё не отводя взгляда.

— Спасибо, — Есения усмехнулась, отодвинула стоящий рядом стул и села слева от него.

— Что ты делаешь? — едва дыша, спросил Виктор. Он ухватился за галстук и чуть сдвинул его вниз.

— То, что должен был сделать ты ещё пару недель назад, — ответила Есения и, закинув ногу на ногу, подвинулась к нему ещё ближе.

— Не понимаю, о чём ты, — он повернулся к столу, сжав в руке шариковую ручку так сильно, что кончики пальцев слегка побелели.

«Значит, понимаешь».

Она решительно подалась ближе, чувствуя, как в теле нарастает азарт.

— Жаль, а я думала, что мы сегодня наконец-то займёмся чем-то кроме математики, — она проговорила это почти шёпотом.

Он замер.

— Я... — начал Виктор, — я могу ещё помочь тебе с физикой, если это необходимо.

Он развернулся к ней всем корпусом, и её ноги оказались зажатыми между его бёдер.

— Правда? — с невинным выражением лица спросила Есения. И наклонилась к нему, замерев в нескольких сантиметрах от его лица. — Ты в физике также хорош?

Виктор кивнул, но промолчал.

— В чём ещё ты хорош, Виктор? — с вызовом спросила

она. И почувствовала прикосновение его ладони к своей руке, которая уже тянулась к его бедру. Он остановил её.

Он. Остановил. Её.

На мгновение всё внутри неё обрушилось и тут же вспыхнуло новой волной. Его дыхание восстановилось. Он наклонился к её уху и сказал:

— Не думал, что тебя возбуждают точные науки, Ваньш. Но давай договоримся: на занятиях мы занимаемся только математикой. Мне не нужны проблемы с Хэ Цзеном.

Носом он провёл тонкую линию от её уха до подбородка, почти не касаясь, и продолжил:

— Я не из тех, кто ищет приключений на один раз, прости. — Она почувствовала его горячее дыхание на своей шее. — Но я вижу, как ты смотришь на меня, дорогая, и понимаю, чего ты хочешь.

— Даже так? — Первый близкий контакт с ним — почти без касания, окончательно выбил остатки разума из её головы. Всё, что ей хотелось, — наброситься на него и не думать о последствиях.

— Но я из тех, кто играет на дальней дистанции. — Его рука сомкнулась на её шее, и она наконец почувствовала, сколько силы таилось в этом парне. Он прикоснулся к ней властно, не давая шанса победить в этой битве. — Поэтому, если я нужен тебе на одну ночь, — Виктор запнулся и сглотнул, словно подбирая слова, — то прости, нам не по пути.

Он резко отстранился и Есения открыла глаза. Реальность

вернулась слишком быстро, почти безжалостно и унижительно.

— Отменим урок сегодня, — холодно ответила она, чувствуя, как лицо запылало. Есения поднялась со стула, охваченная острым желанием уйти как можно скорее и как можно подальше. — Увидимся после выходных.

Она развернулась и пошла быстро в сторону выхода, чувствуя, как внутри всё съёживается.

Виктор не смотрел ей вслед. Нельзя было смотреть и думать о том, как сильно ему хотелось пойти за ней. Как безумно хотелось снова прикоснуться к её нежной коже. Он уставился в учебник и держал взгляд на странице ровно столько, сколько потребовалось, чтобы звук её шагов растворился в тишине библиотечного зала.

Потом медленно выдохнул.

«Что же ты делаешь со мной, принцесса?»

Ручка в руке оставила на полях тетради глубокую вмятину, он только сейчас это заметил и разжал пальцы. Ручка покатилась к краю стола, но он поймал её автоматически. Всё еще прокручивая сегодняшний образ Ваньи. Она пришла с красной помадой и в ботфортах. Он это увидел ещё когда она только входила, за три стола до того, как она дошла до него.

Достаточно ли у него было времени, чтобы подгото-

ся? Достаточно ли минуты, чтобы представить себе самые мерзкие вещи на земле, сбавляя внутренний градус возбуждения? Виктор сразу понял, что это была часть её собственной игры — он знал этот ход наизусть: когда стандартная пассивность не срабатывает, следует атака. Он бы сам так поступил, будь у неё хоть немного терпения, а у него чуть меньше интереса к ней.

Но в ночных переписках с ней, которые стали для него самым приятным времяпровождением за последние пару недель, он вдруг уловил нечто новое для себя — ему действительно было приятно общаться с ней. Она нравилась ему не как очередная принцесса, а как девушка, которую очень хотелось узнать глубже. Глупая улыбка появлялась на лице каждый раз, когда он видел входящее сообщение от неё, и как бы он не пытался её сдерживать, выходило весьма скверно.

Всё шло по плану ровно до того момента, пока её рука не потянулась к его бедру. Виктор закрыл учебник и поднёс пальцы к вискам. Голова раскалывалась.

Проблема была не только в том, что он всё ещё играл роль холодного недотроги, чтобы до конца сформировать стратегию, но и в том, что когда он наклонился к её уху, то на секунду забыл про правила. Просто забыл. Запах её волос, тепло нежной кожи в нескольких миллиметрах от его губ — и в голове стало неожиданно пусто. Никакого расчёта и тактики. Просто она.

Такое случилось с Виктором в первый раз.

Если бы Ваньки добились своего, пари можно было бы завершить, как и с прошлой девчонкой. Но в этот раз он не собирался побеждать ценой своих чувств. Он хотел добиться её, хотел, чтобы она стала его.

Виктор сложил учебники и тетради в сумку.

«Интересно, после этого она вообще захочет заниматься математикой?» — учитывая её характер, это было под большим вопросом. Он накинул пиджак и вышел из библиотеки.

Уже на улице достал телефон и написал брату: *«Как насчет ничьей, мальши?»*

Алекс ответил сразу же, как будто ждал: *«Боишься проиграть?»*

Виктор убрал телефон в карман, не отвечая. Поднял воротник — вечерний воздух был холоднее, чем с утра.

Он шёл к общежитию и думал о красной помаде. О том, как она провела по губам этот цвет с намерением. Как оружие, которое достают перед боем, а не для красоты.

Она хотела его задеть. Почти получилось. Но как теперь исключить из этого уравнения брата, который чертовски сильно любит побеждать?

Глава 10

В просторной гостиной семьи Янг возвышался круглый массивный стол из тёмного дерева. Вокруг было расставлено семь стульев в тон. На месте почётного гостя — напротив двери — сидел мужчина средних лет. Есения знала его с самого детства: господин Ву Болян, начальник её отца. В дни, когда отец приглашал начальство на званый ужин, он особенно щепетильно относился к «ритуальной» и «традиционной» составляющей подобных встреч. Поэтому отец, согласно канонам китайских традиций, сидел напротив начальника, занимая положение хозяина, принимающего гостей в свой дом. Жена господина Ву Боляна, тихая и кроткая, сидела по левую сторону от него.

Справа от начальника сидел довольно молодой и привлекательный европеец, Филипп Де Вербер, будущий представитель торговой ассоциации. По растерянному лицу мужчины было видно, что церемониальная часть для него в новинку. Он искал помощи, найдя её в разноцветных глазах Есении. Он зеркально повторял за ней все движения, а она почти незаметными кивками направляла его. Рядом с Филиппом сидел его переводчик, который тихо переводил беседу ему на ухо. Мама же была по правую руку от отца, а Есения замыкала круг.

Круглая стеклянная поверхность стола медленно нача-

ла вращаться после того, как домработница поставила на стол первую тарелку с холодными закусками. Отец аккуратно остановил тарелку напротив Ву Боляна, предлагая таким образом начать ужин. В течение нескольких минут стол заполнился огромным количеством блюд: начиная от закусок и заканчивая большой тарелкой с целой красиво украшенной рыбой. Двенадцать блюд для семи человек за столом — стандартный способ показать, что присутствующие сегодня гости действительно почётные.

Невероятные ароматы, поднимавшиеся от горячих тарелок, легко могли свести с ума любого гурмана. Отец действительно постарался и нанял лучшего повара во всём Пекине. Есении даже страшно было представить сумму, в которую обошёлся сегодняшний ужин. Начиная с ингредиентов: акульих плавников, трепангов, крабов. Заканчивая их сервировкой: чего только стоило представление с нарезкой пекинской утки прямо перед гостями.

Филипп не скрывал своего удивления, чем отец явно был доволен. Разговор вели исключительно на английском, давая понять, что относятся с уважением к иностранцу.

Есения сидела прямо и улыбалась в нужное время. Это был отдельный вид искусства — улыбаться так, чтобы это выглядело искренне. Слишком искренняя улыбка за дипломатическим столом читалась как легкомыслие. Недостаточная же — как высокомерие. Нужен был идеальный баланс, который она отточила за годы подобных ужинов и уже знала

этот баланс наизусть.

Отец Есении стал послом Китая много лет назад. В начале карьеры он встретил маму, когда только приступил к своей должности в России. Она тогда была совсем юной переводчицей одного из министров, а он — харизматичным мужчиной, занимающий ключевую позицию в политических делах. Совсем как в китайских дорамах, которые Есения так любила. Но, честно говоря, их история любви не была слишком романтической. Пару свиданий, несколько месяцев бюрократической волокиты — и пожалуйста: господин и госпожа Янг собственной персоной.

В Китае (да и в России тоже) говорят: со своим уставом в чужой монастырь не ходят. И хоть её отец — китаец, плевать он хотел на эту фразу. Он всегда был консерватором до мозга костей, который мастерски навязывал свою позицию с дипломатической точностью. Тонко, медленно, терпеливо. Мама же, как благородная жена, всегда потакала ему во всём, почти молилась на него и каждое воскресенье с любовью лепила ему домашние цзяоцзы.

И как же это бесило Есению.

Она незаметно посмотрела на маму. Та сидела рядом с отцом и не произнесла за весь вечер ни одной собственной фразы, только поддакивала и улыбалась, периодически наполняя бокалы гостей. Идеальная дипломатическая жена. Есения когда-то спросила её, не надоедает ли молчать целыми вечерами. Мама засмеялась и ответила: «Я слушаю, Ва-

нии. Это тоже работа». Есения тогда решила, что никогда так не сможет. Но сейчас сидела и молчала уже третий час.

— Господин Янг, — начал Филлип свою речь в конце ужина. — Благодарю вас за гостеприимство, это был новый опыт для меня.

— Очень надеюсь, что удачный, — с улыбкой заметил отец. Она смотрела, как он разговаривает с Филиппом: открытый, внимательный, чуть наклоняется вперёд, когда слушает. Этот отец нравился Есении. Вот только видела она его только за такими столами, когда рядом были люди, на которых нужно было произвести впечатление.

Спустя пару часов после того, как они проводили дорогих гостей, отец уселся на своё место у стола и закурил сигарету. Есения, по-прежнему игравшая роль покорной дочери, спокойно собирала грязные тарелки. Мама вместе с домработницей принялись раскладывать остатки еды по контейнерам.

— Как дела в новой школе? — неожиданно спросил отец, снова превращаясь в настоящую версию себя.

Есения не любила эти разговоры. Он сегодня хоть и выпил чуть меньше обычного, всё равно такой диалог ничего хорошего не предвещал.

— Всё в порядке, уже освоилась, — спокойно ответила Есения.

— На днях я говорил с директором, — продолжил отец, облакачиваясь локтями на стол. — У тебя по-прежнему проблемы с математикой, Вань.

— Отец... — начала было Есения, но он прервал её.

— Послушай, — резко сказал он. — Для того, чтобы ты поступила в Пекинский университет, у тебя должны быть отличные баллы по всем дисциплинам.

Началось. А она так надеялась, что до этого разговора успеет подтянуть «хвосты» по алгебре и всё-таки осмелится обсудить хотя бы возможность подать документы в академию искусств в Милане.

— Отец... — повторила Есения. — До поступления ещё есть время. Я смогу решить эту проблему.

— Я очень рассчитываю на это, — сказал он, делая очередную затяжку сигаретой. — В Пекинский университет сложно поступить даже благодаря моим связям, я уже стараюсь найти нужные ниточки.

Сделав глубокий вдох через нос, Есения внутренне собрала всю свою смелость и произнесла:

— Я думала подать документы в Милан, там есть академия искусств.

Отец замер с сигаретой в зубах. Дым продолжал тянуться вверх, а он всё не говорил ни слова.

— Ты с ума сошла? — выпалил он. — Какой ещё Милан? Какое ещё искусство, Вань? Я думал, мы решили этот вопрос много лет назад. Очевидно же, что ты поступишь в Пекинский университет на факультет международных отношений.

— Но... — начала было Есения.

— Никаких «но»! — громко крикнул отец. Неожиданно. Казалось, впервые за всю её жизнь.

В гостиную зашла мама, она обеспокоенно вытирала руки о кухонное полотенце.

— Что происходит? — с удивлением спросила она.

— Выйди, — спокойно произнёс отец.

Мама посмотрела на Есению. Всего секунду, почти незаметно. В этом взгляде было столько всего: извинение, бессилие, и что-то ещё, чему Есения не знала названия. Потом мама повернулась и вышла, тихо закрывая за собой дверь. Есения смотрела на закрытую дверь ещё мгновение. Потом опустила взгляд.

— Вань, — холодным голосом снова заговорил отец. — Никаких академий искусств не будет. Ты продолжишь династию дипломатов, послов и консулов. Ты продолжишь семейное дело.

Вот оно. То, что он никогда не произносил вслух до этого момента. Он хотел продолжения своей семьи. Но в Китае им мог стать только сын. Которого у него никогда не было. Поэтому все свои надежды он возложил на Есению. На ту, которой ни одно из семейных дел не было интересно.

— Что скажут обо мне люди, Вань? Ты подумала об этом? — отец никак не мог остановиться. Его шея покрылась красными пятнами, но лицо больше не выдавало эмоций — Я всегда говорил тебе, что нет ничего важнее семьи. А ты забыла, из какой семьи ты?

— Нет, отец, я помню, — опустив руки по швам и низко склонив голову, ответила Есения.

— Тогда что за детские фантазии? — громко хлопнув по столу ладонью, крикнул отец.

— Извините, — Есения наклонила корпус тела чуть вперёд, показывая покорность.

— Ты никогда не станешь художницей, Вань. — Слова, такие резкие и болезненные, прорезали воздух между ней и отцом. Обжигающие слёзы подступили к краю глаз. Есения сдержала первый порыв — убежать. Она замерла, сжав губы в тонкую линию.

— Ты никогда не уедешь в Милан и не поступишь в академию искусств. Ты будешь здесь, со своей семьёй, и будешь учиться в Пекине. Там, где я скажу, — обдавая второй волной страшных фраз, проговорил отец. Есения склонилась ещё ниже перед ним. Предательская слеза скатилась по щеке, показывая слабость, как изъян.

Отец поморщился, словно увидел что-то отвратительное.

— И никогда не показывай своих эмоций. Держи лицо. — Он отмахнулся от неё — разговор окончен.

Медленно, шаг за шагом, Есения шла к своей комнате. Слёзы и обида душили её, ком в горле грозился вырваться наружу раньше, чем она дошла бы до двери.

Неожиданно прозвучал сигнал нового сообщения. Она увидела профиль отца в списке отправителей и открыла сообщение. Красный конверт — плюс тысяча юаней на её сче-

те. Стандартное проявление внимания от него по любому поводу. Он думал, что деньги хоть что-то решают в их взаимоотношениях.

— Вань, — громко сказал отец, и она обернулась. — Купи себе что-нибудь.

Есения окинула взглядом гостиную. На тлевшую сигарету в руке отца и на его уставшее лицо. Настоящее лицо.

— Спасибо, — тихо ответила она.

Глава 11

Есения тихо закрыла за собой дверь. Это была гостевая. У Есении никогда не было своей комнаты. Частые переезды и закрытые школы не давали привилегии «осесть» и сделать что-нибудь по-своему. В стерильно чистом помещении она увидела лишь большую двуспальную кровать на массивных ножках и шкаф, выполненный в том же традиционном стиле, что и вся остальная квартира. Ни одна вещь здесь не говорила: *я здесь живу*.

Бессильно опустившись на пол, она, зажав рот рукой, выпустила поток слёз. Резко, болезненно, сбивая дыхание. Эта чёртова квартира, этот чёртов Пекин и весь Китай стали для неё огромной, отвратительной тюрьмой, где её мечтам не суждено было сбыться.

Вдруг кто-то тихо постучал в дверь за её спиной. Есения вытерла слёзы и, встав с пола, слегка приоткрыла дверь. Отец не должен видеть её в таком виде.

— Яся, — тихо сказала мама по-русски.

Есения открыла дверь и, впуская маму в комнату, кинулась к ней в объятия.

— Мама, — сквозь слёзы шептала она. — Он никогда не даст мне стать счастливой, он никогда не разрешит мне следовать за мечтой.

— Тише, тише, милая, — приговаривала мама, глядя Есе-

нию по волосам. — Не плачь, любимая, всё будет хорошо.

— Как ты можешь так говорить? — чуть успокоившись, спросила Есения и, отстранившись, посмотрела на маму. — Он ведь тиран, он всё решает за нас двоих.

— Он любит нас, Яся... — мама замялась. — Просто по-своему. Он правда считает, что учеба здесь поможет тебе в будущем. Я знаю, это тяжело понять.

Она аккуратно села на кровать и потянула Есению за собой.

— Просто... милая, но ты же знаешь, что наш папа — человек традиционных взглядов и ценностей, — сказала мама, держа Есению за руку. — Для него важно, чтобы всё было как надо. А счастье и мечты... — она слабо улыбнулась, — это где-то в конце списка...

— Это не даёт ему права решать за меня, — вытирая слёзы, ответила Есения. — Этот переезд стал сущим адом!

Мама выдохнула и чуть сгорбилась от её слов. Она не умела спорить, не умела решать конфликты, не умела жить эту жизнь без отца.

— Яся, хочешь, завтра прогуляемся по магазинам? — спросила мама.

Девушка лишь покачала головой. Очередной шопинг не спасёт её от разрушенной вдребезги мечты.

— Где ты взяла такие потрясающие туфли, милая? — с удивлением спросила мама, глядя на аккуратные чёрные балетки, расписанные Ясей золотой краской.

— Нашла в чемодане старую пару из прошлой коллекции и украсила вручную, — без энтузиазма ответила Есения.

Мама сняла с Яси правую туфельку и аккуратно рассматривала её, словно произведение искусства.

— Очень тонкая работа, милая, — наконец тихо сказала мама, словно боялась, что кто-то услышит. — Сделаешь мне такие же?

Есения непроизвольно улыбнулась от такого искреннего порыва мамы. Она редко её за что-то хвалила, но если и делала это, то только в тайне от отца.

— Конечно, просто закинь в мою сумку ненужную пару. Я займусь этим на выходных.

— Ты решила уехать обратно в академию на оставшиеся дни?

Есения кивнула.

— Прости, мам, но я не хочу находиться с ним вместе столько времени.

Слёзы снова подступали, но уже не от обиды — скорее от гнева и ярости, которые зарождались в глубине души. Несправедливость ситуации была ей непонятна, она боялась, что если останется хотя бы ещё на час, новых конфликтов с отцом не избежать.

— Хорошо, — тихо сказала мама. — Я скажу ему, что тебе нужно будет подтягивать математику, тогда вопросов у него не возникнет.

Мама крепко обняла Есению и поцеловала в макушку.

— Всё наладится, Ясенька, вот увидишь.

Уже через двадцать минут личный водитель отца вёз Есению по переполненным улицам столицы в сторону академии. Паршивое настроение усугубляли пробки на дорогах и горький осадок от визита домой Есенин хотелось поскорее залезть под одеяло в своей комнате общежития и до конца выходных не общаться с окружающим миром. Ей нужен был перерыв. Оповещение на телефоне она проигнорировала.

Это, должно быть, Виктор. Который продолжит идиотскую игру «горячо-холодно», в которую они играли всё это время. Есенин решила для себя, что пока будет игнорировать этого придурка, чтобы он больше не смог досаждать ей. А там видно будет, к чему это приведёт.

Машина остановилась у южных ворот академии.

— Спасибо, Минг, — коротко сказала Есенин и закрыла за собой дверь. Вечер был тёплым. Закурив, Есенин медленно двинулась в сторону общежития. Вокруг не было ни души — видимо, все действительно разъехались. Даже охранник у главного поста мирно спал в своей комнате.

Спокойно добравшись до двери, Есенин обнаружила, что она заперта. Найдя наконец ключ-карту, тихо отворила дверь, надеясь, что Келли уже спит. Одиннадцатый час ночи — соседка либо читает очередную книгу, либо снова где-то пропадает. Оба варианта Есенин устраивали.

Комнату освещал мягкий свет прикроватных ламп. На кровати Келли, развалившись прямо в обуви, её с улыбкой

встречал Алекс, продолжая что-то активно записывать в коричневый блокнот.

— Добрый вечер, мисс Янг, какая неожиданная встреча, — сказал он, быстро убирая тетрадь и сгребая карандаши в большую сумку рядом с кроватью.

«Твою мать! Только тебя здесь сегодня не хватало!»

Есения, не изменившись в лице, спокойно проследовала от двери до своей кровати. Сняв обувь и куртку, она легла на мягкий матрас и, повернувшись спиной к этому придурку, укрылась пледом с головой.

— Эй, ты чего? — мягко спросил Алекс по-русски.

— Отвали, — жёстко парировала Есения также по-русски в ответ.

— Яся, прекрати, у тебя что-то случилось? — слышалось за спиной.

«Как он меня назвал?»

— Как ты меня назвал? — резко подорвавшись с кровати, Есения уставилась сверху вниз на Алекса.

— Воу, воу, спокойно, принцесса, — подняв руки вверх в качестве знака мира, Алекс аккуратно встал с кровати.

— Как ты меня назвал, я тебя спрашиваю! — громко и чётко повторила Есения. — Откуда ты взял это имя?

Тыкая пальцем в грудь Алекса, Есения закипала от гнева.

Мало того, что этот идиот прохлаждался в её комнате, нарушая таким образом не только правила устава, но и личные границы, так ещё и узнал самое ценное, что у неё было. Её

имя — то, что она считала своим настоящим именем.

И он не имел права его произносить.

— Не тыкай в меня пальцем, — серьёзно проговорил Алекс. Нахальное лицо в мгновение стало серьёзным. Брови нахмурены, взгляд злобный, губы сжаты в тонкую линию.

— Ты снова играешь в тупого, чемпион? — продолжая тыкать в него пальцем, заорала Есения. — Я спросила, откуда ты узнал моё имя?!

— От верблюда! — так же громко прокричал Алекс и схватил руку Есении за кисть, прерывая её попытки начать драку.

Есения резко подняла свободную руку и звонко залепила ему пощёчину.

— Не трогай меня, тупица! — громко проговорила она. — И никогда...

Алекс не дал ей договорить. Он одним движением освободил свою руку и притянул её к себе за талию — слишком быстро и резко. На мгновение она замерла... и только потом она почувствовала, что его губы накрыли её поцелуем. Требовательным, горячим поцелуем, который на контрасте эмоций вызвал в Есении спектр чувств: от удивления до резкого возбуждения. Гнев внутри тут же пропал, и она ответила ему на поцелуй.

«Ты что творишь?» — громко кричал голос в её голове. — «Ты вообще понимаешь, кого ты целуешь?»

Но тело не слушало голос разума, тело разговаривало на

языке прикосновений с этим придурком. Тянулось к нему под его руками, словно пластилин, выгибалось ещё ближе.

Спустя мгновение, когда её разум наконец осознал, что происходит, она с силой оттолкнула его на кровать Келли.

— Ты совсем из ума выжил? — сказала Есения, прикрывая ладонью рот и пытаясь привести дыхание в порядок. — А как же Келли?

— Скоро вернётся, забыла свои учебники в библиотеке, — приводя в порядок волосы, ответил Алекс.

В этот момент дверь открылась и Келли, с учебниками в руках, вошла в комнату.

— Ой, Санни, привет, — с удивлением сказала соседка. — Не ожидала тебя здесь увидеть.

— Я тоже не ожидала увидеть *его* здесь, — указывая на Алекса, съязвила Есения и прикрыла рот тыльной стороной свободной руки, будто пряча следы преступления.

— Спокойно, мы просто идём на вечеринку, — с привычно нахальной улыбкой ответил Алекс. Он улыбался легко и беззаботно. Так, будто между ними пару секунд назад ничего не было. Будто она всё придумала.

— Пойдёшь с нами? — с огоньками в глазах спросила Келли.

Глава 12

— Келли,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.